

НАТАЛЬЯ БОГРАНД

Сказки бабушки Параски

ЯРМАРКА В КРУТОЯРАХ

Наталья Богранд
Сказки бабушки Параски.
Ярмарка в Крутоярах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24309905

ISBN 9785448527050

Аннотация

События сказок бабушки Параски разворачиваются во второй половине 19 века и описывают один календарный год из жизни жителей маленького городка Посад. «Ярмарка в крутоярах» – это первая сказка из цикла, знакомящая читателя с героями и описывающая их приключения во время путешествия на ярмарку...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

123

Сказки бабушки Параски Ярмарка в Крутоярах

Наталья Богранд

Редактор Андрей Константинович Сергеев

Художник Борис Михайлович Кустодиев

© Наталья Богранд, 2017

ISBN 978-5-4485-2705-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступление

*Чуть потеснивши повседневность,
Я приглашаю Вас не в древность,
Но в век, ушедший безвозвратно,
Где исто, искренне, понятно
На русском языке великом
В ряду народов многоликом,
Общаясь вольно и фривольно,
Средь будней, праздников, застольно,
Да с хлёсткостью под стать картечи,
(Ах, как милы такие речи!)*

Великороссы наши жили.
Шутили, ссорились, любили,
Боясь греха и веря в чудо,
(А чудаков полно средь люда)
Былой эпохи россияне.
И зачастую не попьане
Томилась пылкая душа,
Горячность ленью приглуша,
В недоуменье: – Что за участь?
Бесед медовая тягучесть
Была отравой и отрадой,
Бичом извечным и наградой
С ядрёной русской закваской.
Хочу побаловать Вас сказкой.
Их у меня всего пятнадцать.
В них строчки есть, чтоб посмеяться,
Взгрустнуть о прошлом, помечтать,
На ус мыслишку намотать
Без бремени нравоученья.
Для радости, для развлечения,
В кругу героев год вращаясь,
К неспешной жизни приобщаясь
И не судя их за пороки,
Я извлекла свои уроки,
Чуть словоблудием греша,
В прелюдию впихнуть спеша,
За малым – значимо и много.
Себя одёргивая строго,
Досадливость предвосхитив,

Подавши как аперитив,
Замысловатое вступленье,
Дарю, друзья, во искупленье
Легчайшие для чтенья сказки.
Не пожалев цветистой краски
Для облачения мечты,
Переношу их на листья
Совместно с быльёю стилизованной,
Играясь прозой зарифмованной,
Слог просторечья предпочтя.
Вы убедитесь в том, прочтя,
Узрев замашку на фольклор.
Прошу не ставить мне в укор
Мечтаний дерзкую попытку.
Всего лишь приоткрыв калитку,
Страшусь ступить в тот дивный сад.
И если зелен виноград
Пусть это сорт, но не незрелость.
Позволив крохотную смелость
Предать творения огласке,
Зову Вас в омут доброй сказки.
Но не в утеху деткам малым,
Их мамам, добрым и усталым,
Их папам, умным и учёным,
И, «телемылом» увлечённым,
Их бабушкам весьма почтенным,
А также дедушкам степенным,
Чтоб душу словом взвеселить,
Чтоб настроенье исцелить,

Чтоб слух взлелеять услажденьем.
Без чертовни, без наважденья
Неспешный свой рассказ веду я,
Притом совсем не претендуя
На историческую точность.
Но заявляю правомочность
С действительностью поиграть:
Слегка украсить, чуть приврать,
Чуть подровнять, чтоб заблестало,
Картинкой сказочной предстало
Других времён сердцебиенье,
Очарованье, откровенье.
Сей лоск фантазией зову,
А потому, как наяву,
Создав и заселив Посад,
Смешав все жанры, как салат,
Жду Вас на пириество радушно.
Надеюсь, Вам не будет скучно.
Вас не унизит грубый мат,
А терпкий вкус и аромат
Переперчённых выражений
Не могут вызвать раздражений
Лингвиста гневную волну.
Так говорили в старину.
Попутно славу я воздам
Российским малым городам,
С провинциальным восхищеньем,
Делясь приятным ощущеньем
От погруженья в прежний быт,

*Что так безжалостно забыт.
Нежно порханье суесловья,
Как будто ангел в изголовье
Спустил божественный туман.
Как сладок призрачный обман!
Пикантных тем легко касанье,
И если текста провисанье,
Не укоряйте за разлив,
Ведь мой народец говорлив.
Итак, друзья, прошу на пир
В мой чудный параллельный мир,
В хитросплетенья и приманки
Неутомимой графоманки.
Желаю счастья и здоровья!
С любовью, бабушка Прасковья.*

** * **

Была вторая, самая что ни на есть благодатная половина лета. Городок Посад, прогретый и избалованный длительным теплом, утопал в зелени кустистых палисадников.

В огородах всё так и пёрло, и местные хозяйюшки уж притомились собирать да засаливать огурцы, которых уродилось особенно много. Повстречавшись на базаре или у церкви, они нарочито сокрушались о столь небывалом урожае,

будто боясь его сглазить.

– И куды их уродилось?

Вот, кума, скажи на милость,

Все давно забиты кадки,

А их столь ишо на грядке!

– В чём печаль, что вон их скоко?

У зимы брюшко широко!

Как родимая придёт,

Все припасы украдёт.

– Подметёт их подчистую,

Будем зрить на клеть пустую!

– Вот и радуйся вперёд,

Что такой обильный год.

Только кадки нагружай!

Урожай не распужай!

Но не все посадские сударушки «жаловались» на столь обильный урожай огурцов. Многих это вообще не интересовало. Так жены местных хозяев ремесленных мастерских больше были озабочены отъездом мужей на ярмарку, хотя и среди них находились такие, кто радовался этому обстоятельству.

Три подружки, а также и родственницы, Нонья, Милистинина и Елартия, гуляя по базару, обсуждали свои дела и, надо сказать, тоже не шепотом.

Нонья радовалась отъезду супруга и возникающей в связи с этим возможностью беспрепятственно целыми днями го-

стить у знакомых и подруг, а также принимать дома любую дамскую компанию. Елартия уже привыкла к постоянным разъездам мужа-коммерсанта и никак не проявляла своего отношения к очередной отлучке супруга. И, наконец, Милистина, сестра Елартии и сватья Нонья, завидовала обеим, ибо её муж, булочник Епихон, как всегда, оставался на месте.

Нонья: Мой-то ноне укатил!

Милистина: Сам один что ль?

Нонья: Прихватил

И работника с собой.

Слава Богу! Тот, рябой,

За доносчика при нём.

Никуда не выйди днём —

Всё доложит, окаянный.

Выслужиться больно рьяный.

Милистина: До чего дослужится?

Морем станет лужица?

Вряд ли! Раньше пересохнет.

Мой-то вон сидит, не охнет.

И меня не вывозил.

Елартия: Мой вчерась товар сгрузил

И уехал поутру.

Я привыкла. Не помру!

Нонья: Слышь, ко мне теперь айда!

Стоящие поблизости две другие посадские жительницы,

сёстры Северина и Ставрона, невольно услышали разговор предыдущих дам, и, безглаголиво сморщив носики, пошли в сторону, в душе досадуя и в то же время сетуя на то, что их мужьям, к сожалению, не с чем поехать на ярмарку, а вслух осудили «счастливиц».

Северина: Расплетут щас невода
Да понаплетут сетей!

Что поделатъ, «плести невода и сети», то есть попросту сплетничатъ, было любимейшим времяпрепровождением местных сударынь.

Ставрона: Говорят, опять Ефтей
В колбасу пихал конину.

Прогуливаясь, сёстры поравнялись с мясной лавки Ефтея и не могли удержаться, чтобы не пройтись завистливым скребком по этому «богатею».

Северина: Да ты чё? Мабуть свинину?
А конину-то отколь?

Ставрона: А ты знаешь ноне сколь
У князей лошадок пало?

Та конина что ль пропала?
Кто их взял к уничтоженью,

Чтоб не стало зараженью
Подвергаться всё вокруг?

Кто князьям не сват, так друг?

Северина: Кто?

Ставрона: Конечно же Ефтей.

Потому и богатей!

Родились сёстры в княжеской усадьбе Свистуновке, и во времена их раннего дворового холопского детства у хозяев был не только отличный выезд, но достаточно племенных лошадок и отборных скакунов. Однако с той поры всё в стране поменялось и усадьба потеряла былой лоск. Может поэтому на всю жизнь обе сестрицы сохранили зависть и нелюбовь к княжескому семейству и получали истинное удовольствие от того, что бывшие хозяева утратили не только крепостных, но и прежний достаток.

И если Северина и Ставрона считали себя обделёнными судьбой, так как их мужьям не с чем было податься на ярмарку, то шествующие мимо вдовы Марёфа и Евлоха сокрушались, что ярмарка проходит не в Посаде, а где-то далеко у чёрта на куличках. Ведь сколько приличных мужчин могло бы понаехать со всей округи и из дальнего далека, если бы ярмарка проводилась именно здесь. И, как знать, возможно, в их числе оказались бы вдовцы, достойные внимания почтенных вдовишек, перешагнувших возраст «ягодок», но не разменявших «полсотенку».

Евлоха: Ярмарка в такой дали —

На другом краю земли!

Чё бы к нам не перевесть?

Марёфа: Там местечко – не Бог весть!

Наш-то город, чай, не хуже.

Евлоха: Наш пошире! Ихний уже.

Марефа: И пошто туды влели?

Евлоха: Власть, как видно, подкупили!

Всем известно, в кабинет

Нос не сунешь без монет.

А тут – ярмарку схапужь!

Марефа: Тихо влезли, без пампуш¹,

Только хрустнули деньжонкой.

Евлоха: Энто Пронтий едет с жёнкой?

Расфуфырились, гляди-ка!

Марефа: Дак на ярмарку, поди-ка!

Евлоха: Повезло ему, иуде:

Через жёнку вышел в люди.

Как себя он возомнил!

Марефа: Да, невесту отстранил,

А на вдовушку польстился.

Очень пышно уместился

И теперь живёт не мрачно.

Евлоха: Жёнка выгядит невзрачно,

Хоть и шляпка колесом.

Марефа: С падали толстеет сом!

Евлоха: Глянь чё, едет свеж и горд.

Был «вертун», а щас – как лорд!

Вон как важно разъезжает.

Пока Пронтий был «вертуном», то есть слугой на побегушках в зажиточном посадском семействе, никто не обра-

¹ Пампуши – мягкие домашние туфли.

щал на него ни малейшего внимания, но стоило бедняге жениться на овдовевшей хозяйке, как местные вдовушки разобиделись на красавца, считая, что тот избрал для женитьбы не самый лучший вариант.

Марефа: Дак супруга наряжает,
Чтоб самой им погордиться.

Евлоха: Ей-то чё? Ему стыдиться!

Кто девицу обманул,
Когда к вдовушке прильнул?
А она уж платье шила.

Марефа: Ну, выходит, поспешила!

Не спеша на сеновал,
Коли замуж не позвал!

Местный богомаз Бондий, засматриваясь на необъятные формы проплывавшей мимо Марефы, рассказывал заезжему крестьянину о премудростях иконописи.

Бондий: Образ пишется без лоска,

Без теней, оттенков – плоско.

В нём существенны глаза.

Посмотри на образа —

Все глазами говорят.

Поворот в душе творят

Краски сочной чистоты.

Расспрошал не просто ж ты,

А с какой-то целью что ль?

Крестьянин: Цель моя – печаль и боль.

Сын мой вырос, возмужал.
Я об нём мечту держал,
Что крестьянин выйдет справный.
А он будто мне не равный:
Всё рисует ангелов.
И ведь не пустоголов:
Понимает, что крестьянство —
Сытой жизни постоянство.
Ты при храме вон ютишься,
Дак, поди, весь год постишься?
Ты ему бы подсказал,
Чтоб в твой хлеб он не влезал.

*Как только вдовушки прошествовали мимо беседующих,
Евлоха зашептала Марефе.*

Евлоха: Твой-то, твой-то!

Марефа: Мой? Да ну!

Евлоха: Глянь, опять пустил слюну.

Марефа категорически не желала замечать заинтересованные взгляды богомаза, когда тот пялился на её более чем роскошные формы и объёмы с тем жадным неприкрытым восхищением художника, углядевшего достойную кисти натуру, однако никогда не пытавшегося заговорить с понравившейся дамой, а, тем более, приударить за ней.

Марефа: Сдался он с его слюной!

Мне неплохо жить одной.

Евлоха: Ох-хо-хо! А мне как плохо!

Марефа: Забирай его, Евлоха.

Вдовушки отправились в аптеку испить «кофию», а крестьянин продолжал жаловаться Бондию на непутёвого сына.

Крестьянин: Ведь ничем не сбить с тропы!

Говорю: «Иди в попы!»

Всё ж завиднее доход.

А когда большой приход,

То деньга течёт ручьём.

Уродился ж дурачём!

Ты-то сам собой доволен?

Бондий: Я доволен тем, что волен.

Крестьянин: И крестьянству дали волю.

Нет, я сыну не позволю

Эдак жизнь спустить с откоса.

После третьего покоса,

Запихну его в артель.

Те артельно канитель

Вытряхнут из молодца.

Помянёт ишо отца

И соскучится по вспашке

Да по окрикам папашки.

Бондий: Мож сподоблен высшей силой?

Крестьянин: Да, навозец черпать вилой,

А не дом углём марать.

Стены щас – не отодрать:

Всё в рисунках, как в соборе!

Рисовал бы на заборе —

Я бы слова не сказал.

Бондий: Ты б мальчика не истязал,

А в учение отправил.

Крестьянин: Нет уж, это против правил.

Только-только окрестились,

За земельку ухватились,

А теперь, выходит, брось

И живи обратно врозь?

*Крестьянин оглянулся в сторону, где оставил свою конягу
с сидящим в телеге сыном.*

Крестьянин: А когда сынок родился,

Я аж плакал — так гордился!

Думал, спорчен я совсем.

У меня ведь дочек семь,

А тут — на тебе: сынок!

А теперь — пинок меж ног!

Взвоешь, скорчишься дугой.

Весь в меня, а как изгой!

Но Посад бы не был Посадам, если, пройдя хотя бы малую часть этого премилого городка, прохожий не наткнулся бы на какую-нибудь шумную семейную свару или соседскую ссору, оглашающую неширокие улочки уездной столицы истошными криками и причитаниями.

Сын крестьянина, беседующего с богомазом, парнишка

лет шестнадцати, сидя в деревенской телеге, вертел головой, рассматривая базарные лавки, центр главной улицы и стоящий на ней красивый дом с узорными резными наличниками, фигурным коньком и прочими штучками деревянно-го зодчества. Это был дом мебельщика Дроны, лично украшенный хозяином всевозможными декоративными элементами.

Художественная натура деревенского мечтателя дрогнула при виде такого великолепия, однако он был отвлечён от любования «шедевром» и возвращён из мечтательной истомы в грубую действительность нарастающим по звучанию разговором двух рассерженных горожанок. Это были две сударыни средних лет, одетые не так нарядно, как предыдущие дамы, но достаточно опрятно и на городской фасон. Парнишке же казалось, что все горожанки без исключения разодеты в пух и прах. Сударыни оказались соседками, а встретившись возле базара, нашли тему для взаимного недовольства.

Первая соседка: Я не просто так стенаю!

Псину вашу что ль не знаю?

Вторая соседка: Ты, соседка, не клепи!

Наш Полкашка на цепи.

Первая соседка: На цепи, да не всегда!

Вторая соседка: Да, сбегает иногда.

К вам во двор бы кто впустил?

Он до сучки зачистил.

А чтоб пакость, да разбой —
Не случилось, Бог с тобой!

Первая соседка: Твой, конечно, кобелёк!
Сытный вкус его привлёк.

Проходившая мимо ещё одна посадская матрона Тимония поняла суть ссоры двух сударынь следующим образом: видимо, муж одной из них, кобель, как и все мужчины на свете, похаживал к другой соседке, на чём и был прихвачен. Тимония очень «порадовалась» за обеих горожанок и за себя лично, что раньше других услышала такую потрясающую новость, причём из первоисточника, и ей немедленно захотелось поделиться этой занимательной вестью с целым светом или хотя бы с выходящей из лавки Феногеей.

Тимония: Феня, стой-ка, погоди!

На тех клушек погляди.

Там петух двоих уж топчет,
А супруга и не ропчет.

А соседушки тем временем продолжали пока ещё не очень громкую перебранку.

Первая соседка: Твой кобель надысь попался:

Под забор наш подкопался,
Спёр кусок баранины.

Вторая соседка: То-то он израненный,

Чуть живой приполз домой!
Еле подняли с кумой.

Ухо в ключья, бок весь рваный!

Первая соседка: Дак, видать, к другим незванный
Заявился гостевать!

Вторая соседка: Ну дак чё ж собаку рвать?
Чем его ты колотила?

Первая соседка: Я его хоть прихватила,
А чтоб бить! Да Бог с тобой!
Кобелился мож гурьбой,
Да погрызли те собратья.

Вторая соседка: Не сама ль ты?

Первая соседка: Стану врать я!
Я вскричала, муж шугнул.
Кобелишка сиганул
В энту дырку под забором.

Вторая соседка: Слышала, орали хором,
Как я вешала бельё.
Вся родня у вас – жульё!

Первая соседка: А твоя родня – бирюк,
Проходимец да байстрюк.
И бельишко с желтизной.

Вторая соседка: Ну дак лето, пыль да зной.
Вот желтинкой примаралось.

Первая соседка: Видно, так оно стиралось!
А все дочки у свекровки
С малолетства красят бровки.

Вторая соседка: Прямо!

Первая соседка: Золовки все беспутны.

Женщине было абсолютно наплевать, что говорят и думают о её золовках, и в другое время она и сама бы с удовольствием посудачила о разлюбленных сёстрах супруга, но не сейчас.

Вторая соседка: А твои окошки мутны.

Стёклушки в пыли, в разводе,

Мылись в позапрошлом годе

Али раньше до того.

В них не видно ничего!

Первая соседка: Ну и ладно, не глазей.

А мужик твой, ротозей,

Он на всех глядит с охоткой.

Вторая соседка: Над твоей он ржёт походкой,

Что ты ходишь, спотыкаясь,

Да во все углы втыкаясь.

Ссора приближалась к опасной стадии перехода к действиям. Вторая соседка так горячо возражала первой, что брызги слюны полетели в оппонентку, обильно осыпав её лицо мелкой радужной пылью.

Первая соседка: Заплевала всю, глянь! Фу!

На тебе ответно – тьфу!

Вторая соседка: Ты чего взялась плеватьсь?

Первая соседка: Мне прикажешь целоваться?

Вторая соседка: Я тебе щас поплююсь!

Первая соседка: Наплевать мне! Не боюсь.

Соседки взялись плеватьсь друг в дружку, причмокивая

и стягивая щёки, сляясь собрать побольше слюны. Но настоящих плевков не получалось, ибо до этого сударыни уже достаточно погорячились, и во рту у обеих пересохло. Да и день выдался знойным. Конфликт был разрешён вмешательством вышедшей на крики величественной старухи Микулины – бабки мебельщика Дроны.

Микулина: Бабоньки, кончайте вой!

Вон идёт городской,

Дак обеих и прихватит.

У него силёнок хватит!

Он не делает поблажку:

Цап-царап – и в каталажку!

Не пора ль вам разбежаться?

Первая соседка: Мы не думали сражаться.

Вторая соседка: Так, повздорили слегка,

Но не дёрнулась рука

Потянуться до косицы.

Микулина: А заплеванные ситцы?

Что ль сорока пошутила,

Пролетая, окатила?

Другой, уже домашний скандалец, вспыхнул подальше от центральной площади в одном из переулков. Конфликт, возникший между молодыми супругами возрастом лет тридцати, был погорячее и можно было уверенно предсказать, что он вряд ли ограничится одними плевками. А вся эта семейная дразня происходила из-за того, что муж на-

отрез отказался взять жену с собой на ярмарку в Крутояры. Высказав своё решительное «нет», муж с невозмутимой деловитостью принялся грузить на телегу какие-то бочонки и короба. Супруга, не смирившись с приказом мужа отстать от него и заниматься домашними делами, собрала целый узел нарядов и демонстративно уложила в телегу. Однако супруг выкинул узел на крыльцо. Тут же началась громкая ссора с взаимными обвинениями, претензиями и оскорбительными намёками.

Муж: Ну и ты не из бояр!

Жена: Одного до Крутояр

Не пушшу! Меня бери!

Муж: Чё пристала? Не ори!

Вот прям щас и разбежался!

Жена: Не пушшу!

Супруга схватила жердину, которой подпиралась верёвка для сушки белья, и стала размахивать ей, пытаясь не подпустить мужа к телеге.

Муж: Не испужался!

Мне лошадку лишь запрячь.

Муж ухватился за жердь с другой стороны и начал её крутить. Победила мужская сила. Однако жена не успокоилась и, подхватив свой узел, снова попыталась пробиться к телеге.

Муж: И задок свой не корячь,

Коль сказал, что не возьму.

А что кум берёт куму,
То ему же будет хуже.

Жена: А-а, кума всегда при муже!

Муж: Не завидую ему,
Так как знаю ту куму.

Ты зазря, милаха, хнычешь.

Ничего, подомовничишь!

Жена: Я собака что ль цепная?

Муж: Дак зверушка что ль степная?

Собери мне узелок.

Жена: Фигу в нос тебе, милоч!

Собирай котомку сам.

*Переругиваясь с женой, мужчина, между тем, ловко за-
прягал лошадь.*

Муж: Ох, пройдуся по телесам

Я вожжицею, жена!

Чем ты так раздражена?

Много ль радости в поездке?

Да на данном-то отрезке

Путь вообще однообразен.

И каприз твой несуразен!

Я ж не прохлаждаться еду.

Ворочусь, поди-ка, в среду...

Жена: Аль попозже дней на десять!

Две недели куролесить

Не впервой тебе, милоч!

Муж: Да за то уж выдран клочок:

Во – плешинка в полмакушки!

Жена: Чай, к какой-то потаскушке

Снова рвёшься погулять?

Чтоб издохла эта...

Муж: Глядь,

Потаскушку приплела!

Прямча год меня ждала

Потаскушка у окошка!

Жена: Волчьей ягоды лукошко

Припасла я для неё.

Муж: Развесёлое житьё!

Отравить меня решила?

Ты б, милаха, не грешила!

Лучше слазь-ка в погребок.

Жена: Сам корячься, голубок!

Муж: Сам, так сам! Придётся лезть.

Вот она супружья месть!

Без тебя дела управлю,

Но за то тебя оставлю

Без подарка, так и знай!

Даже не напоминай!

Так как рассерженная супруга не собиралась готовить мужа в дорогу, а тем более спускаться в погреб за какой-то снедью и самогоном, мужу пришлось самому позаботиться и о дорожном перекусе, и о выпивке. Как только муж спу-

стился в погреб, вырытый в углу двора в виде землянки, жена заперла дверь на завóру – толстый тяжёлый брус.

Муж: Эй, зачем ты дверь закрыла?

Погоди, начищу рыло!

Ну-ка быстро отопри!

Такие послы ничуть не смутили исходившую гневом женщину. Видимо, она была женой «неучёной», и супруг дальше обещаний никогда не заходил.

Жена: Посиди там, поори!

Муж: Ты, жена, в своём уме?

Жена: Потомись, милоч, в тюрьме!

Муж: Отворяй же! Захлестну!

Жена: Чёботы ополосну!

Прям спешу и падаю!

Щас тебя порадую:

Бушь сидеть до исправленья!

Муж: Боже, светопреставленье!

Не боишься наказанья?

Ведь дойду до истязанья!

Жена: Наплевать!

Муж: И на вожжу?

Жена: Я ружжо щас заряжу,

Буду конвоировать,

Буду контролировать

Всю твою, милоч, поездку.

Муж: Не боишься, что в отместку

Я скорее загуляю?

Жена: Я без промаха стреляю.

С детства батюшка учил.

Муж: Чтоб чиряк с кулак вскочил

У него на заднем месте!

Жена: Вот как думаешь о тесте?

Вон чё ты ему желаешь?

Щас иначе забазлаешь.

Дверь погребца ходила ходуном, но не поддавалась яростному натиску «узника», долбившегося в неё плечом, боком и чем придётся. Тем временем жена, абсолютно не обращая внимание на требовательный стук и угрозы мужа покарать её телесно, решительно вошла в дом, сняла со стены ружьё и принялась его заряжать, управляясь споро и умело, как заправский опытный охотник. Её свекровь, невысокая худенька старушка, со страхом и оторопью следила за действиями снохи. По той хваткой решительности, с которой сноха обращалась с оружием, и по робости свекрови было понятно, кто из женщин является полновластной хозяйкой в доме. С ружьём наперевес жена подошла к погребу и убрала завору.

Жена: Выходи теперь, милоч!

Увидев наставленное на него ружьё, ошарашенный муж осторожно выбрался из погребца, забыв взять то, ради чего туда спускался.

Жена: Подбери мой узелок

И в телегу уложи.

Пришлось подчиниться! Как тут поспоришь, когда тебе в грудь смотрит дуло ружья?

Жена: А теперь опять скажи,

Еду я с тобой аль нет

И сколь выделишь монет

На подарки для жены?

Появившаяся на крыльчке свекровь, отвлекла женщину от супруга, что дало ему возможность вцепиться в дуло. Началась борьба за владение оружием.

Муж: Самой мизерной цены!

Отпусти же, ухвачу

И с руками откручу!

Муж уже почти выкрутил ружьё из цепких рук супруги, когда ладонь его внезапно соскользнула к прикладу, зацепив и дёрнув курок, в результате чего прогремел выстрел. Пуля попала в стоящий в телеге бочонок с маслом. Масло даже не успело засочиться из образовавшейся пробоины, как случилась другая беда: испугавшись выстрела, лошадь ошалело дёрнулась в сторону, завалив телегу на бок, причём со всем грузом. Оторопевшие супруги, выронив ружьё, безмолвно смотрели, как узел с дамскими нарядами заливаётся маслом и ещё какими-то тягучими жидкостями, малинового, фиолетового и сочно-бордового цвета, вытекающими из перевёрнутых и раскрывшихся бочонков. Многоцветье этих потоков указывало, что мочёных в сиропе ягод и вся-

кого варенья хозяйки в этом году уже успели наготовить. Напуганная свекровь, крестясь трясущейся иссушенной рукой, причитала на крыльчке.

Свекровь: Чё творят-то нечестивцы!

Постреляются паршивцы.

Господи, не допусти,

Подлых иродов прости!

Сосед Дробогор с хмурой беспристрастностью наблюдал за происходящим из окна мансарды своего дома. Так как окно было приоткрыто, причина скандала была слышна в мельчайших деталях.

Дробогор тоже готовился на ярмарку, но не столько с продажей или за покупками, сколько по другой весьма деликатной причине. Дело в том, что его дочь Вассиана всё никак не могла выйти замуж и уже переходила в устойчивый возраст старой девы. Неизвестно почему, но девице постоянно не везло в любви и устройстве семейной жизни.

Конечно, женихи у Вассианы периодически появлялись, но потом почему-то исчезали. Так у несчастной барышни расстроились уже две свадьбы.

После первой неудачи по Посаду поползли сплетни, что с невестой что-то не то. А когда сорвалась и вторая свадьба, слухи стали ещё более досужими и навязчивыми, характеризующими вполне приличную девицу не с лучшей стороны по части морального облика. А вскоре последний жених Вассианы, внезапно отказавшийся от женитьбы, уто-

нул, после чего стали поговаривать, что это Дробогор с сыновьями порешили несостоявшегося зятя. Полиция занималась этим делом и выяснила, что родственники бывшей невесты не были причастны к данной трагедии, так как находились в других местах, но закрыть рты судачающим кулушкам было не так-то просто.

Та же Нонья, обговорив печальное происшествие со сватьей Милистиной в булочной Епихона, вернувшись домой, взялась убеждать мужа Милована, что в этой мутной истории не обошлось без участия Дробогора, категорически настаивая, что, якобы, это отец расправился с подлым женишкой.

НОНЯ: Сбёг до свадьбы – митькой звали!

Мать с отцом загоревали:

Дочка бьётся, крик да вой —

Впору в омут головой.

Это точно сделал Дрóbка!

МИЛОВАН: Вон куды вильнула тропка!

Ты свидетельшей была?

Нет? Дак меньше бы плела,

А то следом сгинешь тоже.

НОНЯ: Я с чего бы вдруг? О, Боже!

Закую себя в броню

И словца не уроню!

Милован специально напугал жену, чтобы та поменьше трещала с подругами об этом и без того не очень счастли-

вом семействе. Сам-то он не верил в дурацкие наветы. Однако, такая худая слава отпугнула от Вассианы других возможных претендентов на её руку и сердце. Из-за постоянных неудач в личной жизни дочери, грязных слухов и подозрений некогда добродушный, хоть и замкнутый Дробогор превратился в хмурого, раздражительного молчуна, глядевшего на мир исподлобья. Тем не менее, он продолжал ежегодно вывозить дочь на ярмарку, надеясь именно там подыскать ей хоть сколь-нибудь приемлемую партию.

Дробогор: Мож отыщется таков.

Весь что ль свет из дураков?

Спустившись вниз, Дробогор посмотрел, чем были заняты жена и дочь.

Дробогор: Правильно, бери наряд.

Ведь другие там пестрят,

Дак и ты не хуже их.

Даст Бог, сыщется жених!

В это время две вдовишки, Марефа и Евлоха, выпив в аптеке по чашечке какао, дошли до дома сапожника Тырьяна или попросту Ты́ри, которому Марефа собиралась заказать новую обувь. Из-за своей полноты, большого веса и тяжёлой, слегка косолапящей «с приволоком» походки обувь на вдовице буквально «горела». Оставив свою худющую до синевы подружку Евлоху в обществе Тыриной супруги Ивди́ны, с которой обе дамы были дружны смолоду, как и с её сестрой Фелоньей, Марефа прошла в мастерскую, где

сапожничали Тыря и его сыновья.

Марефа: Сладь удобные сапожки

На мои слоновьи ножки.

Тыря: Прежние уж истоптались?

Марефа: Лишь обтрёпочки остались!

Один из сыновей Тыре быстренько подскочил с места и пододвинул заказщице скамейку, опасаясь, что обычная табуретка, на которую усаживали клиентов, не выдержит веса столь пышной дамы. Расположившись на услужливо предложенной скамье, Марефа вытянула ноги.

Марефа: Ноженьки по полноте

Мерить только в темноте.

Тыря: Для меня, вишь, чем полней,

Тем строка идёт ровней.

А что больше матерьяла?

На расценку б не влияла,

Я бы может возмутился.

Знашь бы как обогатился,

Если б шил на полны ножки!

У иной – как лапки кошки:

Матерьял для сапожкá —

Во, клочок на три стежка!

Ивдинья в это время рассказывала Евлохе о подготовке их младшего сына к свадьбе, объясняя, почему Тыря нынче не едет на ярмарку.

Евлоха: Значит, нонче остаётся?

Ивдинья: Дело ж не само куётся!

Кто б к зиме точил косу?

Тут, вишь, свадьба на носу.

Как случилось зарученье,

Так пошло в дому верченье.

Пусть пропустит хоть годок.

Дел – под самый ободок!

Стройка ж – грохот в доме, дым!

Почивальню молодым

Обустроить надо к сроку.

Коль затеяли мороку,

Хоть разбейся, а успеи.

Сын любимый – не репей,

Что случайно зацепился.

Евлоха: Чё-то он поторопился!

Рано женится, поди?

Ивдинья: Ты на возраст не гляди!

Коль ему невмоготу,

Я б стояла на посту,

Карауля чью-то честь?

Нет уж, коли чувства есть,

Пусть венчаются они.

Я же, Боже сохрани,

Не пойду судьбу ломать.

Всё ж не мачеха, а мать!

Так уж повелось в роду у Тыри, что всякий раз, когда

ожидалось прибавление в семействе, дом достраивался или надстраивался. Когда Тыря женился на Ивдинье, его отец Мосей Чесцьсла́вович, а для посадцев Чеславыч или Чесич, ибо многие ещё помнили поляка Чесю, значительно расширил жилище. Уже после и сам Тыря перед свадьбой старшего сына тоже надстроил дом, а теперь и для младшенького готовил отдельные апартаменты.

Семья была большая, так как, хвала Господу, пока ещё были живы Тырины родители – дед Мосей и бабушка Евла́сия, но ни Тыря, ни Ивдинья даже думать не хотели, что кто-то из их сыновей захочет отделиться и жить самостоятельно собственным домом. Уж лучше всем вместе уживаться под отчим кровом, пусть даже для этого придётся достраивать родительское гнездо, предусматривая возможность отдельных дополнительных выходов.

Тут к сапожнику заявила ещё одна клиентка, но уже за готовой обувкой. Это была Янгéлия, супруга Епрóна, одного из братьев-близнецов – владельцев лесопилки.

Так как Тырьян был занят с Марэфой, Янгелия уселась с дамами поговорить о своём, наболевшем.

Янгелия: Так на ярмарку хочу —

Вся киплю, аж клокочу!

Муж не едет, я – сиди

Да в окошечко гляди.

Днюет всё на лесопилке.

Ивдинья: Нет растраты для копилки!

Ярмарка полна соблазна.

Янгелия: Ах, там так своеобразно!

Но большая ли затрата?

Евлоха: Пусть спихнул бы всё на брата

Да свозил тебя Епрон,

Коль уж не велик урон.

Брат-то справится один?

Ивдинья: Всяк себе щас господин,

Хоть и общее хозяйство.

Янгелия: Господи, да без зазнайства,

Где работники не лóвки

Братовья́ на распиловке.

Столько пиломатерьяла!

Чё их жадность обуяла?

Всё, глянь, мало! Не сидится!

А жене с чего гордиться?

Не прошусь в Москву аль в Нижний!

Это жизнь? Как лес чекрыжный²!

Жалуясь на мужа, Янгелия откровенно важничала, что у их семьи такое доходное дело.

Янгелия: Не могу ведь убедить!

Ивдинья: Ехать всё ж – карман худить,

Коли нечем торговать.

Чё тебе переживать,

А тем паче горевать?

² Чекрыжник, чепыжник – мелколесье и кустарник.

Нешто неча одевать?

Янгелия: Да при чём худить, зорить?

Я хочу ведь сговорить

Съездить, миру поглядеть.

Знамо, есть чего одеть!

Евлоха: Нешто в энтом городишке

Интереснее людишки?

А буквально в это же самое время муж Янгелии Епрон, загрузив на телегу створки новых тёсаных ворот с врезной калиткой, потихоньку вёз их от своей лесопилки, где в столлярном цеху они и были великолепно сработаны, к дому заказчика – местного священника батюшки Пилистрата. Позади Епрона ехал работник также нагруженный гладко отшлифованными столбиками и другим готовым пиломатериалом для установки больших въездных ворот, венчаемых сверху нарядным козырьком.

После того, как проезжие цыгане украли у батюшки Пилистрата дорогуций самовар, причём прямо со стола, стоящего в саду под грушей, он заказал себе добротные ворота, чтобы надёжнее отгородиться от улицы.

Лесопилка находилась за городом, но недалеко. При въезде в Посад Епрон привычно повернул голову в сторону крайнего дома, где жили его родители, и расплылся в улыбке, увидев, что папенька с маменькой, как обычно, восседают на крыльчке. Махнув работнику, чтобы тот ехал дальше, Епрон решил на минутку завернуть к родителям, буквально, что-

бы «поздоровкаться».

Нила Силовна и Миней сердечно поприветствовали сына, и маменька тут же озабоченно поинтересовалась, не голоден ли сыночек Епроша. Но Епрон отказался от еды и чаёв, заявив, что заскочил лишь осведомиться об их здоровье и должен немедленно ехать дальше, ибо изготовленные ворота были довольно дорогими, а потому он опасается, что работник, разгружаясь самостоятельно и бесконтрольно, что-нибудь да сделает не так как надо.

Миней согласно закивал головой, одобрительно прогудев с пониманием рачительного хозяина: «За имя не надзирать – честно имя замарать! Те радиво не хлопочут: чё-нибудь да скособочут! А хозяину – моргай! Свой просчёт хошь ругай, коли наворочено, дело опорочено!».

Однако, пока Епрон навещал родителей, его работник укатил довольно далеко. Стараясь догнать первую телегу, Епрон заторопил лошадку.

Уже с утра на городских улочках было теснее обычного, так как через Посад время от времени проезжали нарядные купеческие коляски со следовавшими за ними гружёными повозками и даже обозами, а также направлявшиеся в Крутояры разномастные подводы жителей деревень и селений.

Интересно было смотреть на деревенских мужиков, впервые рискнувших съездить на ярмарку. Держали они себя настороженно-чинно, не спеша проезжая по посадским улицам и с любопытством разглядывая всё вокруг себя, кроме

встречных экипажей, видимо, думая, что все без исключения должны следовать только в одном направлении – в Крутояры. Тем самым эти неискушённые путешественники создавали некоторую досадливую неразбериху в движении гужевого транспорта, ибо привыкшие к деревенскому безлюдью и простору мужички совершенно не придерживались привычных правил, а вернее не знали о их существовании. Наверное, поэтому они либо всех подряд пропускали вперёд, создавая затор, либо занимали часть улицы, потихоньку пробираясь к противоположному выезду из Посада.

Как правило, деревенские жители на дальние расстояния старались ездить не поодиночке, а своей компанией, выстроившись колонной из трёх-четырёх подвод, слитно следовавших друг за другом. Возможно, они просто боялись потеряться в незнакомой местности либо случайно нарваться на лихих людей, но так или иначе всегда держались обособленно и дружно. Также и останавливаться на ночлег они предпочитали не на постоянных дворах, а в поле, устраиваясь прямо в телегах и дежуря по очереди.

На одном из перекрёстков Посада у Епрона произошла небольшая заминка. Он уже почти поравнялся с ехавшим навстречу давним приятелем отца дядькой Настасом, когда один из деревенских ротозеев, немного отставший от своего «каравана», ни с того ни с сего вдруг испуганно бросился нагонять земляков.

Внезапно появившаяся впереди ещё одна встречная ло-

шадь, напугала лошадку Епрона, заставив дёрнуться в сторону брички дядьки Настаса. Наделавший переполоха деревенский мужик, проехать так и не сумел, но, слава Богу, вовремя остановился. Вникнув в ситуацию, Епрон обнаружил, что он едва не зацепил своим ценным грузом бортник Настасовой брички. Настас тоже остановился, соображая, как же им теперь разъехаться без ущерба для обоих повозок.

Епрон: Осторожней, дядь Настас!

Оттяни свой тарантас.

У меня тяжёльше груз.

Тёс воротный тут и брус.

Мне никак не сдать назад.

Повозки не успели сцепиться, но оказались в довольно-таки опасной близости друг от друга, и удачно развести их, не повредив конструкции, требовало большого умения.

Настас: Эх-хе-хе! Возок пузат!

Щас попробую, Епрон!

Глянь-ка, чё со всех сторон:

В город двинулось село!

Епрон: В Крутояры понесло

Нонче даже и сельчан.

Настас: Закипит торговый чан,

Коль на ярмарку все прутся.

Епрон: Вон чё, друг об дружку трутся!

Запаниковав, что в результате заминки отстанет

от «своих», мужик попробовал объехать обе стоящие бок о бок повозки, мешая Епрону и Настасу разрешить возникшую проблему. Но теперь разъехаться стало ещё труднее, так как крестьянин прижал их друг к другу, да и сам застрял, причём косо упершись ещё и в ближайший забор.

Пришлось ждать, пока этот деревенский недотёпа либо сдаст назад, либо проедет вперёд. А это было ещё труднее, ибо мешали ворота, выпиравшие с телеги Епрона.

Настас: Ну зачем же так тесниться?

Епрон: Тот вообще тупой возница —

От него другим помеха.

Сообразив, что пока крестьянин не уберётся со своей подводой, им не расстаться. Епрон с Настасом не стали предпринимать каких-либо самостоятельных действий.

Настас: Аль тупой, аль неумеха,

Аль от города ослеп.

Впору дать ему на хлеб,

Чтоб обратно развернул.

Видя, что городские мужики не собираются освободить ему дорогу, крестьянин совсем струхнул, представляя, что его сейчас либо побьют, либо ограбят, либо сдадут в участок. Отчаянно гикнув, он так стегнул свою лошадь, что та со всей прыти рванула вперёд. Сломав несколько досок в заборе и слегка развернув воротную створку на телеге Епрона, крестьянская лошадка и своей подводе нанесла значительный урон: мало того, что гружёная деревенскими

дарами не очень крепкая повозка перекосилась и покорёжилась, у неё ещё и колесо соскочило с оси.

Настас: Он тя в бок подковырнул?

Епрон: Мой-то груз лишь шелохнулся,
А его аж перегнулся.

Настас: Да, своё он изнахратил.

Епрон: Колесо вообще утратил.

Настас: Дак известно: поспешишь —
Вместо выгоды лишь шиш!
Я за спехом не гонюсь!

Епрон: Можа я посторонюсь?

Настас: Да куда тут сторониться?
Ошалелый тот возница

Втискался, да в разворот.

Епрон: Мне б не повредить ворот!

Так как ни посторониться, ни попятиться было некуда, ибо крестьянин своей разбитой телегой перекрыл полдороги, оставалось только ждать, когда тот, наконец, уберётся со своими утратившими колесо дрожками.

Епрон: Дядь Настас, а ты куда?

Тоже с грузом?

Настас: Это да!

Кабы знал, чё на возу!

Епрон: Что ль товар?

Настас: Ха-ха! Козу,
Глянь, везу на сватовство.

Откинув полог, Настас показал Епрону лежащую на дне брички связанную и засунутую в мешок козу. Мешок не был затянут, и Настас высвободил голову пленницы наружу.

Настас: Разыгралось естество,

А Настас ищи ей мужа!

Без того была досужа,

А теперча прям взбесилась.

Епрон: Во как! Замуж запросилась?

Настас: Вишь, супруга завела

Эту живность без козла,

А она томится, блеет,

То озлобится, то млеет.

Епрон: Ну, таков закон природы:

Зов влекущий все породы

Дать потомству народиться.

Сам Господь велел плодиться.

Настас: Дак для этого везу

Распроклятую козу,

Чтоб произвести знакомство

С перспективой на потомство.

Хоть и сам я не желаю

И восторгом не пылаю,

Чтоб подобных народилось.

Находясь в мешке да ещё и под пологом, коза Розка, видимо, думала, что её везут на убой, а потому времени даром не теряла и использовала дорожную заминку на пережёвы-

вание связывающих ей ноги пут.

Епрон: Глянь, она освободилась!

Настас: Выскочила из мешка?

Выбравшись из душиного «заточения», Розка ошарашено запрыгала по бричке хозяина.

Настас: Я ей подыскал дружка,

А она как дура скачет.

Дома мекает и плачет,

А сыскали жениха,

Заскакала, как блоха!

Роза, хватит ерепенья!

То тряслась от нетерпенья...

Перескочив на стоящую впритык телегу Епрона, Розка застучала копытцами по новёхонькому тёсу Пилистратовых ворот.

Настас: Чё перемахнула, Розка?

То ж Епрохина повозка!

Ишь, настропалила рожки!

Да куды же ты под дрожки?

Соскользнув с гладкой воротной створки, коза оказалась на земле. Эта самая Розка никогда не отличалось ни маломальской покорностью, ни терпеливым нравом домашнего животного, живущего в полной сытости и холе. Теперь, когда в ней взыграла природная тяга к материнству, характер у Розки и вовсе стал несносным.

Настас: Чё не ехалось тебе?

Я об чьей пекусь судьбе?

Глядя на хозяина, как на злейшего врага, Розка приняла боевую стойку, намереваясь боднуть Настаса.

Настас: Ты совсем сдурела, Роза?

Это что ещё за поза?

Ты ведь едешь к жениху,

Не к скорняжке на доху!

Тем временем, потерявшие попутчика крестьяне, только выехав из Посада заметили, что среди них не оказалось одного земляка. Озадаченные таким происшествием и, подозревая, что с тем произошло что-то неладное, мужики решили вернуться.

Когда они, вооружённые дубинками, принесли к месту «аварии», их земляк маялся с колесом, а Епрон с Настасом ловили удиравшую Розку, которая через повреждённый забор уже успела сноситься в чей-то посадский двор, но, напугавшись собаки, вернулась на улицу и скакала вокруг перекошённой телеги крестьянина.

Завидев в руках воротившихся крестьян дубинки, а у одного из мужичков даже блеснувший металлом топор, Настас всё понял и обратился к ним за помощью.

Настас: Хлопцы, будьте так добры,

Уберите топоры!

Не нервируйте козу.

Епрон: Где она?

Крестьянин: Да там внизу

Под телегой прячется.

Настас: Ох, она доскачется!

Слышь, робяты, подмогните:

Энту тварь сюды пугните.

Вызнала, куды везу —

Не удёржишь щас козу.

Там козёл её заждался!

Епрон: Как же ты не догадался

Увязать покрепче Розу?

Настас: Не предугадал угрозу,

Хоть и нрав её знаком!

Епрон: Да, невеста с огоньком!

Настас: С огоньком? С большим костром!

Хлопцы, вы там вчетвером

Эту тварь не пропустите!

Задержал я вас, простите!

Я ж на случку вёз её,

Горе луково моё!

Наконец, совместными усилиями была поймана коза, восстановлена телега крестьянина и благополучно разведены повозки Епрона и Настаса.

Односельчане, примчавшиеся выручить товарища, а если потребуется, и отбить земляка у городских пройдох, оказались мужиками проворными, но и смешливыми тоже. Узнав, какую миссию выполняет пожилой добродушный дядька, они наржались до слёз. Неторопливо прощаясь

с Епронем, Настас уже не выпускал Розку из рук.

Настас: Слава Богу, разошлись:

Те далече подались,

Ты – ворота доставлять,

Мы с козой – хвостом вилять,

Чтоб козлу понравиться.

Так, моя красавица?

Мекни на прощанье, Розка.

Ох, вредна ты – в том загвоздка.

На смотринах не взбрыкни,

«Жениха» рожком не ткни.

Скромненько себя веди!

Епрон: Да, себе не навреди:

Выкажи расположение

Для любовного сближенья.

Настас: Ох, намаяюсь нонче с ней!

Как там Силовна, Миней?

А в другой стороне Посада, то есть на самом въезде в этот презабавный городок, откуда незадолго до этого приехал Епрон, другой местный житель – дед Кульба́ч, сидя на завалинке своего дома, философски разглагольствовал о скоротечности земного бытия и об изменениях в жизни за последние семьдесят пять лет. Было деду уже за восемьдесят, и он знал, о чём говорить и что с чем сравнивать.

Слушателями деда были сосед Ерб́сим и его уже достаточно повзрослевшие сыновья – четверо парней-погодков

от четырнадцати до восемнадцати лет, которым Кульбач за неимением наследников отдал в безвозмездное пользование свою гончарню.

У деда ныло повреждённое смолоду колено, и он поглаживал его заскорузлой рукой. Ну и «лечебный» ишкалик старик уже успел с утра «приговорить», а потому был весел и разговорчив, впрочем, как всегда.

Кульбач: Старость – скорбная вуаль.

Смотришь больше вглубь, не вдаль.

Времечка не сбавишь бег.

Девятнадцатый наш век

На три четверти прошёл.

Жили всяко. Хорошо!

А иной раз – туговато.

Эх ты, жизнь моя, лопата!

Рылся в глине, словно крот.

Дак зато и сыт был рот.

Еросим: Все работали до поту,

Ожидаячи субботу.

Кульбач: Да, трудились, не роптали,

Хоть дырьё сто раз латали.

Что поделаешь, гроши

Не заводятся, как вши.

Хочешь сытым быть в обед,

Вся надежда на хребет,

На старанье да на смётку.

Всем досталось по ошмётку,
А кому жирнее кус,
Не спешил нафа́брить ус.
Дело двинул расширять.
Хоть и есть чего терять,
Но без риска нет побед.
И пускай трещит хребет!
Поведёшь дела с умом,
Уж занятье не ярмом —
Смыслом жизни предстаёт.

Еросим: Всяк судьбу свою куёт.
Трудишься в свою угоду,
Обретаешь год от году,
И пускай трещит хребёт!
Курица – и та гребёт
Под себя, да для цыплят.
Кульбач: У людей поширше взгляд.

Что нас вывезло, спасло?
Кто освоил ремесло,
Уж в другое не вилял.
То сосед те подсоблял,
А в другой раз – ты ему.
Еросим: Справедливо, по уму.

Коль другому подсобил —
Тракт совместный прорубил.
Жить-то обчеством придётсяя.

Так до веку и ведётся:

За добро плати добром

И не прячься за бугром.

Зависть да колючий взгляд

Хуже пламени палят.

Кульбач: Всяко видеть доводилось:

И добротное худилось,

И дырявое латалось,

И излишнее вплеталось.

В прошлое порой гляжу,

Сколько было куражу,

Чтоб подняться в мастерстве!

Первые тут все в родстве.

Еросим: А где кровно не сроднились,

Кумовством объединились.

Кульбач: Это нас всегда сплочало

Прямча с самого начала,

Чтоб совместно опериться.

Эх, Небесная Царица,

Сколько было слёз, мольбы!

В те года не до гульбы:

Еле ноги волочили.

Но невзгоды всех учили!

То медяшки утешали,

Вдруг бумажки зашуршали.

Еросим: В результате – вдохновенье

И добавочное рвенье.

В ремесле себя точил,

Дак и славу получил.

Ты-то был гончар известный.

Кульбач: Знаменит скудельник местный!

Еросим: Сам в отставку запросился.

Кульбач: Дак силёнкой износился,

Обленился, истощал.

Еросим: Цельный век тот круг вращал!

Кульбач: С малолетству-то проворно!

Круг одно, вот топка горна —

Это будет посложней.

Градус тут держать важней!

Шибко много было порчи,

Хоть глаза глядели зорче,

И в руках силов хватало.

Нетерпенье ж клокотало!

Чуть с огнём переборщи —

Уж осколочки ищи.

Еросим: Обжиг-то хитрее лепки!

Кульбач: Черепки – оно не щепки,

В дело их не запустить.

Лишь в болото гать мостить.

Там от батьки и скрывал.

Батька ж чем урок давал?

То кнутом, а то дубинкой!

Дак спина вся – горб с ложбинкой!

Еросим: Да, немало потрудился!

Кульбач: Среди графьёв бы уродился,

На другое б глаз вострил.

И отец мой гончарил.

Чтобы жить не голодая,

Бились, рук не покладая,

Строились, приобретали.

Стали тем, кем нонче стали.

Еросим: Нешто худо разжились?

Кульбач: Попросторней нонче жизнь.

Жить бы, миром любоваться,

Но года. Куды деваться?

Гложет старость, ведьма злая,

То тя, за мослы хватая,

Гнёт дугой, хребтинку крутит,

То над требухой пошутит,

Не сдаля страха концом.

Цельный век не быть юнцом!

Таковы законы мира.

Жизь – как съёмная квартира,

Старость – для хвороб приманка!

Еросим: Снова мает лихоманка?

Кульбач: Хвори любят стариков,

Подбираются с боков.

Еросим: Энтим только дай слабинку!

Кульбач: Древоточец съест дубинку,

Коль в бездействии она.

Мне хвороба что ль страшна?

Аль не знаю я управы?

Еросим: Колдовство, настойки, травы?

*Еросим спросим со смешком, прекрасно зная непримири-
мое отношение деда к знахарскому промыслу своей супруги —
бабки Кульбачихи.*

Кульбач: Нет, бальзам особый есть:

Самогонка, ваша честь!

Тяпнешь утречком глоток —

Забурлит в крови поток,

И уж солнце ярче светит.

Если бабка не заметит —

Повторить могу в обед!

Так и прбжил столько лет.

Не спешу ишо в землицу,

Раскудрит тя, рукавицу!

Еросим: О-о, нужда те торопиться!

Не уйдёт от нас землица.

Боженьку хоть сколь проси,

Не возьмёт на небеси

Наши бранные тела.

Вот такие, дед, дела!

Это уж как там решат,

Так и путь нам завершат.

Сам Творец уткнёт перстом:

Кто, когда, за кем, потом.

*Еросим устремил взор в небесную синь, потом оглядел по-
дворье и крылечко Кульбача взглядом хозяина, не привыкшие-
го к праздности.*

Еросим: Та ступенька покосилась

И скрипит.

Кульбач: Дак изнасилась.

Я и сам давно скриплю.

Еросим: Ворочусь и укреплю.

*Вздыхнув, Кульбач продолжил свои привычные философ-
ские рассуждения на тему бренности земного существова-
ния.*

Кульбач: Завтра лучше, чем вчера,

А сегодня – не пора.

Так сижу, считаю дни.

Их, вишь, только ворохни —

И посыплются обвалом!

Жил я долго, но и мало!

Вижу жизни скоротечность.

Впереди маячит вечность.

Скоро влѐжку распрямлюсь,

Да и в ямку увалюсь.

Еросим: Все там будем! Не минует.

Смерть кончину знаменует.

И на ум не стоит брать,

Ведь не завтра помирать.

Кульбач: Эх, не знаешь наперёд

День, когда ты подберёт!

Напротив дома Кульбача через улицу стоял дом родителей Епрона – деда Минея и бабки Нилы, семейной четы лет шестидесяти от роду, которым по возрасту Кульбач годился бы в отцы, имея он своих детей, но для других посадцев соседи Кульбачей считались тоже стариками.

Бабка Нила Силовна, зачастую именуемая местными острословами и Силой Ниловной, и Нилой-Силой, и Силой Нила, все летние дни проводила, сидя на высоком крыльце и глядя на двор Кульбачей, так как другого обзора у неё перед глазами не было: с одной стороны высоким забором отгородился сосед, а с другой стороны начиналась околица, ибо дом Минея, как и Кульбача, стояли крайними при въезде в Посад. Но Силовне скучать не приходилось: у Кульбачей во дворе частенько случались разные презабавные заварушки.

Сейчас, глядя на мирно беседующих Кульбача и Еросима, Силовна жалела об одном, что с возрастом видеть вдаль она стала даже гораздо лучше, а слышать – куда, как хуже.

Силовна: Заморочил дед Ероську.

Тот, гляди, аж морщит моську!

Сам не рад, да не пошлешь!

Вот и слушает скулёж.

На гончарню-то купился —

Даκ навеки прилепился!

Дед Миней или Миньша тоже был по-своему философом и отвечал на замечания супруги всегда заковыристо и туманно, зачастую с одному ему понятным намёком и подтекстом.

Миньша: Что ж поделать? Рад, не рад —

Моська морщится, не зад!

Задни щёчки хоть гладки,

Да казать их не с руки!

Силовна: Это чё он егозится?

Миньша: Даκ ему пора грузиться,

А не лясы там точить.

Силовна: Ох, пора, да не вскочить!

Силовна как в воду глядела: Еросиму действительно было недосуг выслушивать пространные рассуждения словоохотливого Кульбача. Чтобы побыстрее распрощаться с соседом, он поспешил сперва отправить сыновей.

Еросим: Отдохнули что ль, робяты?

Приберитесь возле хаты.

Отберём посла товар,

Чтоб грузить для Крутояр.

Я на ярмарку в надёже.

Жду дохода.

Кульбач: Дай-то, Боже!

Кто иной, но вы доход

Заслужили. Цельный год

Ковырялись с этой глиной.
То не мёд месить с малиной.
Мне бы это не понять!
Сколь её пришлось умять!
Я дошёл до мастерства.
Говорю без хвастовства.
Много сам посуды сладил.
Глину – как невесту гладил,
Как молодку тискал, жал.
Энто дело – обожал!

Из речей деда, сопровождавшихся хитроватой ухмылкой, понять было весьма непросто, что именно он обожал: лепить гончарные изделия или тискать молодок.

Сыновья Еросима тем временем уже перебрались на свое подворье через пролом в заборе разделявшим соседствующие дворы и занялись делом.

Кульбач: Сколько вылепил горшков
От вершков и до стожков
Заскорузлою рукой!

Дед, как заправский рыбак, помахал руками, показывая известным жестом какой формы и величины ему приходилось лепить горшки.

Еросим: Заслужил ты, дед, покой.
Отдыхай! Сиди, да грейся.
На мою семью надейся,
На заботу, на подмогу.

Не одни вы, слава Богу!

С этими словами Еросим хотел, наконец, покинуть говоруна-деда, уже и к оградному проёму шагнул, как тут из его дома вышла жена Крена с бабкой Кульбачихой – супругой Кульбача. Женщины разговаривали о чём-то своём.

Кульбачиха: Ночь-то плохо я спала.

Всё в уме перебрала.

И дед храпит,

И сверчок скрипит,

И в запечье шорох.

А мыслишек – ворох!

И всё лезут надоедно.

Заслышав разговор на соседнем подворье, Кульбач тут же оживился и стал цепляться к своей дражайшей или, как он сам называл, дрожащей половине. Любил он, грешным делом, пощекотать благоверной супруге нервы. Впрочем, она тоже не оставалась в долгу.

Кульбач: Много думать бабам вредно.

Оплешинешь эдак враз.

Уж не густо и сейчас,

Бело-сивая ты моль!

Кульбачиха: Сгинь! Свои былинки холь!

Кульбач: Может волос в ус уйти.

Так бывает, ты учти!

Я видал таких старух,

У которых уж не пух,

А волосья над губой.
Разведусь в момент с тобой,
Если лысой станешь, старá,
Да усы, как у гусара,
Аль погуще отрастишь,
Брильянтином умастишь.

Кульбачиха: Во, запрыгнул в разговор!

Не молол бы всякий вздор,
Чёрт досужий, попрыгучий!
Зазудел комар кусучий!

Кульбачиха отвернулась от деда, продолжая поучать

Крену.

Кульбачиха: За детьми-то нужен глаз.

Эдак вдруг, неровен час...

За девчонками – зорчѣй!

Кульбач не отставал. Он был настроен на небольшой семейный скандалец.

Кульбач: Не устала от речей?

Суть в них – дурь голимая,

Непреодолимая!

Кульбачиха, проигнорировав выпад супруга, продолжала наставлять соседку.

Кульбачиха: Девок пуще карауль.

Кульбач: Да, приставь к имя патруль!

Пусть подол им стережёт.

Кульбачиха: Ишь над чем паршивец ржёт!

Кульбач: А сама ты чё пророчишь,

Крене голову морочишь?

Ты гони её, соседка,

Ведь у бабки правда редко.

Кульбачиха: По себе-то не суди,

Огород не городи!

Кульбач: У парней не срам. Шкодливость.

А у девок чё? – блудливость!

Бабка знает, я об чём:

Загуляла с Кульбачом

С молодых зелёных лет.

Кульбачиха: Помолчал бы лучше, дед!

Кульбач: Но не обездолила —

Всё, как есть, позволила!

Подмигнув Еросиму, Кульбач пропел частушку.

Кульбач: У калиточки резной

Повстречались мы весной.

Не ломалась, дева, ты.

Ох, трещали там кусты!

Еросим: Зря так пташечка запела.

Как бы кошечка не съела!

Крена: От такого пения,

Кончится терпение.

Соседи уже привыкли к постоянному переругиванию Кульбачей. Но дед иногда переходил границы и довольно чувствительно поддевал супругу. Для неё это тоже было

не в диковинку, и старушка умела и удар держать, и отпор давать.

Кульбачиха: Пусть поёт.

Кульбач: Я и пою

Всё про ветреность твою:

– Есть у каждой божьей пташки

Ей сподобные замашки,

И у каждой малой птички

Есть особые отлички:

Та – токует, та – кукует,

Третья жрёт их да смакует.

Дед игривым речитативом пропел ещё один куплет. Силовна даже ухо оттопырила рукой, пытаясь расслышать, о чем там голосит Кульбач.

Силовна: Во, запел! Уже хлебнул!

Миньша: Иву бог не зря согнул.

Ей судьба к воде стремиться.

А на взгорке – истомится.

Муж с женой сперва бранятся —

После пуще породнятся!

Силовна: Во, чё выдумал! Смерёкал!

Тот петух откукарекал!

Миньша: Дед хоть стар, но молоток!

Да и бабка – кипяток.

Вместе – порох и свеча!

Силовна: Пряма защитник Кульбача!

Миньша: У сверчка своё цвирчанье,
У бычка своё мычанье.

Сапоги не виноваты,
Что на ногу маловаты.

То сапожник виноват:

Оказался скуповат,
Поурезав лишне мерку.

Дак поставь на атажерку,
Коль носить не возмоготу!

Аль уж кинь под хвост коту!

Силовна: Кто сверчок, кто бык, кто кот?

Притворил бы, Миньша, рот.

Дай послушать, мож услышу.

Миньша: Взгромоздись, жена, на крышу.

Там обзор – куды как шире.

Дак про всё узнаешь в мире.

Там, поди-ка, благодать —

До самой Москвы видать!

Дом у Миня и Нилы был высокий с мезонином и мансардой. Оно и понятно: их сыновья-близнецы Епрон и Евпат владели лесопилкой и столярными мастерскими, вследствие чего строительного леса в семье было предостаточно. Зная материну привычку проводить день в наблюдении за дорогой и соседским двором, сыновья предлагали пристроить ко второму этажу над верандой балкон, но Нилу вполне устраивало просторное крыльцо с примыкающими террасой и ве-

рандой. Сам дом имел что-то вроде цокольного этажа либо подклети, где находились хозяйственные помещения, поэтому крылечко, на котором располагался Силовнин наблюдательный пост, и без того было достаточно высоким, дающим возможность наслаждаться открывающимся видом. Также она не позволила строить двухметровый сплошной забор, дабы свободно и беспрепятственно обозревать путников, въезжающих в Посад и покидающих его.

Как всякая посадская дама, Нила обожала сплетни, слухи, всевозможные невероятные истории, то есть пребывала в том же трепетном желании быть в курсе городских новостей, но в отличие от многих местных сударынь слыла отменной домоседкой. Заходившие иногда к Силовне подруги, снабжали её информацией. Принимая гостей, Силовна с удовольствием могла часами сидеть в обществе приятельниц, теша душу рассказываемыми сплетнями и новостями. Исключительно в поддержании разговора она незлобиво судачила и охотно перемывала косточки согражданам, но никого особо не осуждала и не грешила злословием. Мало того, сам Миней любил эти дамские посиделки и охотно принимал в них участие, но при этом делал вид, что ему совершенно не интересны чужие тайны и проблемы. Разговор он поддерживал весьма своеобразно, подкидывая разные шутки, притчи и сентенции.

Миньша: В нашей славной местности

Много интересности,

А в другую заверни,
Там сурьёзности одни.

Кульбачи только входили в стадию, предваряющую генеральную схватку. Кульбачиха, снисходительно выслушав дедово соло, горделиво подбоченилась.

Кульбачиха: Ну и ты не певчий дрозд.

Ворон ты! Твой дом – погост!

Старый хрыч, заросший мохом!

Кульбач: Начинаю день не охом,

А с частушки-веселушки

Во хвалу своей старушки:

– Ох, не своевременно

Дэвица беременна.

Если до венчания —

Тут ей замечание!

Услышав столь фривольную частушку, обеспокоенная Крена встревожено оглянулась, чтобы убедиться, нет ли поблизости её детей, особенно младших ребятнишек. Но все семеро отпрысков находились на безопасном расстоянии и занимались своими делами.

Кульбачиха: Охламон ты, дурень старый!

Вот скабрёзник лупошарый!

До того же стал турусый.

Всё же не юнец безусый.

Старикашка перезрелый,

На умишко угорелый,

Зубоскалый крокодил!

Кульбач: Чем внезапно досадил?

Режу в очи правду-матку.

Ты всю жизнь на рот заплатку

Обещаешься нашить,

Речи праведной лишить.

Кульбачиха: Где там правда? Вечно врешь!

Как язык свой не сотрешь?

Кульбач: Это я что ль пустомеля?

Замычала утрясь теля!

Кто из нас по сплетням первый?

Кульбачиха: Не трепи, Кульбач, мне нервы!

Ишь какой ты говорун!

Но притом известный врун.

Кульбач: Мне куды с тобой тягаться?

Как уже говорилось, старики постоянно переругивались между собой, находя в этих перепалках развлечение и разнообразие в своей, казалось, не очень радостной, бездетной жизни. При явной скудности тем для семейных столкновений, ограниченных недовольством друг другом из-за пьянок одного, беспрестанным шатанием по городу другой и взаимной ревности, скандалы для Кульбачей были делом привычным, даже рутинным. Еросима, любившего мир и покой, это развлекало, но порой тяготило и беспокоило.

Еросим: Чё к чему взялись ругаться?

Кульбачиха: Мы что ль? Батюшки! С чего б?

Впереди маячит гроб,
Скоро уж на суд предстанем.
Неужели грызться станем?
Я и не намерена!
Вся уж злость утеряна.

Кульбач: Отливает бабка пули.

То – кар-кар, то – гули-гули —
Из одной в другую птицу,
Раскудрит тя, рукавицу,
Разговор чтоб в бок увести.
Тут её задета честь.

Ишь ты, прям зарделась зорькой!
Жарко что ль от правды горькой?

Кульбачиха удивлённо воззрилась на деда, не зная, чего от него ожидать и даже фыркнула с насмешкой, полностью убеждённая в своей непогрешимости. Что ещё за выдумки и какую такую правду хочет обнародовать её несносный муженёк, из-за которой ей, якобы, следует стыдливо краснеть?

Кульбачиха: Ты такой паскудный, дед!

Врёшь нахально – спасу нет!
И упёртый, как бревно!

Ври сколь хошь – мне всё равно!

Кульбач: Ну, дак стану не упёртый,
Как свалюсь совсем помёртый.
Унести с собой секрет?

Не дождёшься, бабка, нет!

И тут дед, придав лицу обиженно-скорбное выражение и воздев кверху сморщенную руку, с пафосом начал обличительную речь.

Кульбач: Есть сомнение в жене:

Девкой ты досталась мне

Аль обносок всё ношу?

Всякого Кульбачиха наслушалась за свою долгую жизнь от болтливого и шутливого супруга, но такое оскорбление прозвучало впервые. Бабка чуть не задохнулась от возмущения, а потом, ухватив Кренину метлу, что стояла тут же у крыльца, решительно шагнула в сторону своего двора, высоко взметнув над головой это «грозное оружие».

Кульбачиха: Я тя, старый, причешу

Щас соседским подметалам!

Чтоб те, чёрту, пусто стало!

Силовна на своём крылечке аж заёрзала в креслице от такого увлекательного зрелища.

Силовна: Миньша! Где ты там? Взгляни!

Миньша, заходивший в дом испить кваску, опять вышел на крыльцо.

Миньша: Что ль ругаются они?

Бабка скачет мотыльком!

Силовна: Дед-то точно под хмельком!

Чем-то бабку рассердил.

Та вскричала: «Крокодил!»

Миньша: Крокодил – болотный житель.

Там всей нечисти обитель.

Силовна: Как очами-то сверкает,

Взгляды злобные втыкает!

Чем-то старый провинился.

Миньша: Не на той, видать, женился.

Миньша уселся на прежнее место и приготовился к продолжительному зрелищу. Ничего нового он не ожидал увидеть в очередной стычке Кульбачей. Проживая по соседству, он уже вдоволь насмотрелся на их ссоры, которые перерастали в целые спектакли, иногда затягивающиеся на час, когда они с Силовной успевали и развлечься, и утомиться затяжными представлениями, и, устроив себе нечто вроде антракта, отлучиться попить чайку, а Миньша порой успевал даже вздремнуть и всхрапнуть в своём креслице.

Кульбачи не были похожи на другие супружеские пары, из тех, что ограничивали свои семейные разногласия несколькими крепкими выражениями, типа «гав-гав», а затем отворачивались друг от друга, чтобы ещё долго гневаться и дуть губы, затаив обиду. Нет, Кульбачи обставляли свои столкновения весьма пышно и цветисто, со вкусом разыгрывая целые трагикомедии с «потешными боями».

В отличие от жены, Миньша улавливал причины возникновения скандалов и прекрасно знал, что старик зачастую просто валяет дурака, дабы позлить свою бабку да повесе-

лить соседей.

Раззадорившись, Кульбачиха начинала чихвостить старика, на чём свет стоит. Иногда в процессии горячих выяснений отношений в старика летел домашний скраб из того, что попадало под руку, причём, бабка не старалась понасть и как следует наказать оппонента, а, скорее всего, таким образом выказывала своё несогласие и особое мнение по поводу возникшего раздора, а также это был известный женский способ унять расходившиеся нервы.

Обоих не тяготило такое разнообразие в чередке скучно текущих дней. Также Кульбачей ничуть не беспокоило то обстоятельство, что своими ссорами они, возможно, отвлекают от дел Крену и Еросима, всегда пытавшихся их урезонить и примирить. Бабке как будто даже нравились такие стычки. Во всяком случае у неё потом возникала приятнейшая возможность среди приятельниц где-нибудь за самоваром у одной из местных вдовушек, либо у матушки Иларии, либо за чашечкой какао в кругу подруг в аптеке у Немчутки, манерно утерев губы, жаловаться на своего вздорного мужа, который за всю их долгую совместную жизнь столько ей нервов истрепал и столько кровушки попил, что и пересказать невозможно.

Подружки понимающе вздыхали, кивали и очень сочувствовали старушке, чего она собственно и добивалась.

Сейчас Кульбач, высказав обвинение и глядя на вооружившуюся супругу, пустился в дальнейшие рассуждения.

Кульбач: Утверждать-то я не стану.

Брачну ночку не вспомяну.

Обманула? Обвела?

Сок свекольный подлила?

А теперь притворщица

Сердится, топорщится.

Кульбачиха: Старый, я тебя сничтожу!

Издеру на лыко рожу!

Кульбач: Виновата – дак молчи,

Постола́ми не сучи!

Кульбачиха: Паразит ты, паразит!

Кульбач: Вот чего она бузит?

Высказал предположение —

Бабка вмиг пришло в движенье.

И откель такой запал?

Значит, в точку я попал!

Непременно обманула:

Мой пистоль в тот сок макнула!

Первому достались сливки,

Я всю жизнь лакал опивки!

Бабка! Чё уж, не ярись!

Позади осталась жизнь.

Я тебе обман простил.

Кто там до меня «гостил» —

Выяснять теперь не буду.

Кульбачиха, огорошенная таким обвинением, понемногу

приходила в ярость, но, зная, какой дед охотник до всяких непристойных шуток и розыгрышей, пока сдерживалась, не приводя метлу в действие. Она лишь поначалу слегка устрашающе помахалась старой Крениной основательно истрёпанной метёлкой и теперь стояла, опираясь на неё.

Крена пыталась изобразить на лице осуждение, но «смешливые бесенята» так и искрились в её глазах.

Кульбачиха: Я прибую тебя, паскуду!

Дура! Честность всё блюла,

Благоверного ждала.

Вот была б как Вера Дыка.

Упрекает! Сам куды как

Весь рогами бы зарос —

Больше было б, чем волос,

Тех рогов. Тогда б поржал!

Щас башки бы не держал!

Кульбач: Во! Признанья я добился!

Чёрт слепой! В кого влюбился?

С кем всю жизнь постель делил?

Такой достоверной игре мог позавидовать актёр столичного театра.

Кульбачиха: Старый, ты б меня не злил.

Тьфу на деда десять раз!

Шут базарный! Дуропляс!

Кульбач: Вот мерси-с за комплимент.

Еросим: Ну-у, любовь меж вас! Цемент!

Кульбачиха: Я его щас полюблю,
Растреклятую соплю!

Кульбач: Веру Дыку приплела!
Ты её, чай, превзошла!

Кульбачиха: Помолчал бы уж, мерзавец!
Аль припомнить всех красавиц,
С кем ты тискался и тёрся.

Ведь домой под утро пёрся!

Кульбач: Надо было не вертаться?
Мог бы кое-где остаться.

Кульбачиха: Оставался бы навечно!

Кульбач: Чё тебе ответить встречно?

Подворье Еросима с заднего двора примыкало к двору мясника Ефтея, того самого «богатея», которого незадолго до этого поминали недобрým словом Северина и Ставрона. Сам Ефтей с женой Макарией и приятелем пимокатом Юстином были во дворе, когда со стороны соседей послышались крики Кульбачихи. Юстин в недоумении посмотрел на хозяев.

Макария: То Кульбачка в гневе снова?

Ефтей: Муж с женой ведь. Что ж такого,
Коль повздорят иногда?

Макария: В их почтенные года
Из-за ревности сражаться?

Спать уж порозень ложатся!

Ефтей: Ты в окошко подглядела?

Как им спать – семейно дело!

Я ведь тоже обозлюсь —

В дальней горенке валюсь.

Кульбачи, разделённые забором, продолжали словесную дуэль.

Кульбач: Верещи на всю окрестность!

Кульбачиха: Ты мою не трогай честность!

Ты свою давно растратил,

Опохабил, изнахратил.

Старики ругались, стоя по обе стороны местами разрушенного тына, пока особо не пытаясь сблизиться для более тесного выяснения отношений.

Кульбач: Защищаясь, атакую?

Расскажу щас, посмакую

Про твои, жена, проделки.

Не один хлебал с тарелки!

Всё моё отсутствие —

Время для беспутствия.

Ты в тот час одна лежала?

Мож другого ублажала,

Коль ослаблен был контроль?

Исповедаться изволь!

Нам подробность знать угодно!

Кульбачиха: Опозорил принародно!

Кульбач: Сам с позором тем живу!

Кульбачиха: Доберусь ведь, дед, порву

На три тысячи кусков!

Кульбач: Щебетливей голосков

Я не слыхивал досель.

Голосишь – как свиристель!

Кульбачиха: Хошь на драку натака́ть?

Крена: Чтоб ты кинулась скакать?

Вроде как вниманье мужу?

Кульбачиха понемногу закипала. Метла из палки для опоры в любой момент могла превратиться в орудие возмездия.

Кульбачиха: Изукрашу всю наружу!

Кульбач: Во, какая першпектива!

До чего же ты ретива!

Но подобные прыжки

Всколопúчат нутрь кишки,

А тогда – конфуза жди!

Еросим: Дед, ей-Богу, не вреди!

Не гневи старушку зря.

Кульбач: Ну а бабка что за фря?

Чё к чему метлой махать?

Кульбачиха: Чёрта старого брехать

Отучить ведь невозможно!

Цельный век грешит безбожно.

Кульбач: Я грешил всегда словесно,

Ну а ты, жена – телесно!

Тут уж бабка окончательно взвилась и перешла к активным действиям. С метлой наперевес она кинулась в сторо-

ну своего двора, чтобы достать обидчика, позволившего сомневаться в её непогрешимости и втоптывать в грязь непятнанную женскую честь. Однако Еросим поспешино загордил собой дырку в заборе.

Кульбач: Бабка, ты не егози

И метёлкой не грози!

Кульбачиха: Струсил? Сразу же в кусты?

Кульбач: Про кусты что ль знаешь ты?

Я-то думал, лишь про сено.

Придержи Кульбачку, Крена!

Щас из юбок скаканёт,

Да метлой меня проткнёт.

Силовна была в восторге. Она, наконец, дождалась настоящего спектакля. Пусть её место было не в первых рядах партера, а где-то на галёрке, разворачивающееся действие отлично представлялось для обзора. До зрителей долетали даже отдельные реплики. Хотя без слов было понятно, что здесь имела место ссора двух супругов. Причина заварушки ускользнула от ослабшего слуха Силовны, но мало ли сколько и каких «увесистых» поводов могло накопиться за целую жизнь? Любая подойдёт!

Миньша так и выразался: «С поводом увесистым спор уж не назвать простым! Но воинственный настрой всякую утварь двинет в строй! Хорошо, коль проорутся, до битья не доберутся! А как скарб запустят в бой? Тут сосед со всей гурьбой кинется их разнимать. Кульбачу бы дохро-

мать до кончины в целости. При такой-то смелости, он всегда найдёт причину превратить в костёр лучину!».

Силовна: Миньша, глянь-ка, чё творится!

Кульбачиха пузыриться.

Миньша: Знать, кипит, коль пузырит!

Аль из тучек не искрит,

Если хмарность к непогоде?

Чё-то часто в этом годе

Громыхает там гроза!

Силовна: Дед же, старый егоза,

Бабке песенки всё пел.

Вот котёл и закипел!

Миньша: Подмешал дедок дрожжей —

Понеслась и без вожжей!

Если брага перезреет,

Если баба озверет,

То того и жди – рванёт!

А не сеявший – не жнёт!

Силовна: Глянь, корячится с метёлкой!

То затеется с прополкой.

Дед от этого и лыс!

Миньша: Шевелюру возраст сгрыз.

Ты меня вон не щипала,

За чупрыню не трепала,

Но уж светится калганчик:

Только дунь на одуванчик!

Силовна: Ты поглянь-ка, как взбесилась!

Миньша: Что ль собакой укусилась?

Силовна: Дедом, старым кобелём!

Миньша: Дед как треснет костылём,
Да куды её метёлке?

Силовна: Энти прутья хуже колки!

Миньша: Прут – не спица, не пронзит!

И с чего она бузит?

Силовна: Кабы слышать я могла!

Миньша: Под забором бы легла,

Ни словца б не пропустила.

Аль зашла бы, погостила.

Силовна: Дал советчика Создатель!

Миньша: Долго мается старатель,

Чтоб с песком блеснул лоток.

Коль удачлив хоботок —

Самородок зачерпнёт!

Нет – дак чёрта всё клянёт!

Тот металл свой держит крепко.

В огороде зреет репка —

Вот тебе и урожай!

Силовна: Ты меня хоть не пужай!

Заговариваться стал?

Миньша: Чист мой разум, как кристалл!

Кульбачихе всё никак не удавалось пробраться через Еро-

симов заслон.

Кульбач: Перекрыли все ходы?

Кульбачиха: Доберусь до бороды!

Еросим: Не дразни, Кульбач, гусей!

Сделают тебя лысей.

Крена: Да! Зачем старушку злить?

Кульбач: Бороду не дам голить!

С бородой-то я – пророк!

Хошь ишо добавить рог? —

В темя целься для удара!

К прежней шишке будет пара!

У Кульбача ещё не прошла шишка от предыдущей драки.

Вообще-то, бесконечно переругиваясь и подтрунивая друг над другом, Кульбачи не скатывались до драк. Конечно, бабка частенько хваталась то за сковородник, то за скалку, но махалась больше для острастки. Дед всегда успевал увернуться или отразить атаку костыльком. В результате всякое сражение оказывалось небольшим развлечением для обоих. Утомительным оно могло быть только для Еросима и Крены, которым уже порядком надоело разнимать и мирить соседей, а вот Силовна с Миньшей по-прежнему оставались неизменными благодарными зрителями Кульбачёвских представлений.

Последнее сражение оказалось не столь невинным. Кульбачиха застала пьяненького Кульбача заснувшим за столом на груди у местной вдовушки Повелихи, да так сладко похрапывающим, что даже слюна истекла из открытого рта

на нарядное платье гости. Повелиха тоже спала, откинувшись на спинку стула. И ещё бы им было не уснуть, если сама Кульбачиха добавила в дедову самогонку маковый отвар, чтобы дед не шибко увлекался попойкой, а зашедшая к бабке для ворожбы Повелиха не отказалась от стопочки, предложенной Кульбачом. Водился за ней такой грех: любовь к выпивке.

Увидев своего благоверного, сладко припавшего к пышным прелестям вдовы и облюбявшего платье на её груди, бабка пришла в ярость, хватив в меру своих старческих сил подвернувшимся под руку чекмарём³ Кульбача по макушке, хоть и вскользь. Проснувшаяся Повелиха убежала, а Кульбач не стал разуверять супругу, что внезапно сморивший сон не способствовал грехопадению. Напротив, он всячески поддерживал в бабке бушующее пламя ревности и с гордостью носил полученную шишку, хвастаясь перед соседом «боевым» ранением.

Кульбач: Вишь, как бабка «подобрела».

Чекмарём надясь огрела —

Хоть помри, хоть прикемарь!

Еле сдюжил тот чекмарь.

Как не треснул от удара?

Вот зловредная судара!

Сейчас «зловредная судара» опять покушалась на дедову голову.

³ Чекмарь – деревянная толкушка.

Кульбачиха: Доберусь и до башки!

Кульбач: Ну к чему эти прыжки?

В вашем возрасте, мадам,

Этот срам не по годам!

Еросим: Дед, пожар не утвори!

Кульбач: То у бабки из ноздри

Полыхнёт в любой момент.

Еросим: Прекращай аксперимент!

Кренины дочери, Даня и Оря, заслышав шум, бросили свои игры и теперь высовывали из-за дома любопытные рожицы. Пятилетний Мятрошка сперва напугался и хотел было заплакать, но, посмотрев на весёлые лица сестёр, начал смеяться.

Даня: Братик, ты не хохочи!

Пусть дерутся Кульбачи.

Ведь они же понарошку.

Оря, уведи Мятрошку.

Оря: Надо – так сама веди!

Ты-то хитрая, поди!

Лишь тебе одной глядеть?

Даня: Тихо! Хватит тут галдеть!

Во дворе Ефтея Юстин, похохатывая, прислушивался к шумной ссоре Кульбачей. Из-за высокого забора он мало что видел, но зато Юстину, в отличие от Силовны, было прекрасно слышно, в чём заключалась причина скандала. Не взирая на протестующий жест приятеля, Юстин под-

катил чурку к ограде, чтобы полюбоваться на Кульбачихины выпады.

Юстин: Вон чё старая творит!

Дед без бритвы будет брит!

Ефтей: Ерунда! Лишь крик пустой.

Ведь заряд-то – холостой!

Драка любит дураков!

Юстин: Где ты видел голубков,

Чтобы вечно ворковали?

Мы-то тоже воевали,

Хоть словесно, но уж жарко!

С воркованья да до карка —

Воробьиных три прискока.

А причин найдётся скоко,

Чтоб ругаться да мириться,

Миловаться, материться!

Дед-то тоже клят и мят.

Часто старые шумят?

Ефтей: Я за ними не слежу.

В лавке время провожу.

Аль в коптильне. Дел-то – во!

Мне, Юстин, не до того.

Кульбач продолжал подзадоривать супругу.

Кульбач: Ну ты, бабка, заводная!

Кульбачиха: Шутка что ль очередная?

Ну, давай, злодей, шути!

Кульбач: Двор соседский подмети.

Прям как дворник на посту!

Кульбачиха: Я тебя щас подмету!

Кульбачиха сделала очередную попытку добраться до деда. Но дед был неуязвим, и бабка в гневе заколотила метёлкой по изгороди.

Кульбач: Во, задели бабью честь!

Начинает бабка месть

Обозлённо, злополучно!

И оружие тут сподручно.

Еросим: Чё в запале ухватила,

Тем с душой бы колотила?

Кульбач: Выход есть из положенья!

Под рукой вооруженье:

В доме – веник и ухват,

Во дворе – метёлка.

Кульбачиха: Гад!

Вот охальник, вот подлец!

Будет этому конец?

Ты, Еросим, не мешай!

Кульбач: Бабка, мир не нарушай!

Я в сражении с тобой

Применю кулачный бой.

Чё метёлкой замотала?

Лучше б села, полетала.

Тем бы норы остудила.

Кульбачиха: И когда же я блудила?

До тебя аль при тебе?

Так как Еросим загородил собой проход в заборе, Кульбачиха решила перелезть через изгородь, но зацепилась пышными оборками своих юбок. Крена кинулась спасать бабкины подолы.

Кульбач: Не застрянь на городье!

Чё ты, бабка, там пишишишь,

Чеботками мельтешишь?

Все места запретные

Стали несекретные

Для всеобщего обзора.

Век живу посреде позора!

Не испытывай судьбу!

Оседлала городьбу?

Дак на кол не взгромоздись,

Ребятишек постыдись!

Снова честности лишишься.

Вот теперь покопошишься.

Юбок-то, поди, с десятков?

Развлеченье для ребяток!

Крена, заметив, что её ребятишки прибежали посмотреть на застрявшую на заборе бабку, шуганула их прочь.

Крена: Ну-ка, живо, детвора,

Скройтесь в дальний кут двора!

Увидев засевишую на изгороди Кульбачиху, Силовна зали-

лась дребезжающим смешком.

Силовна: Ой, держи, помру до срока!

На заборе как сорока

Угнездилась и сидит!

Миньша: Дак не всякая родит,

У которой брюхо бочкой.

Силовна: Юбка, видно, с оторочкой:

Пышная да сборчатая,

Снизу вся узорчатая!

Миньша: А теперь узор сквозной.

Очень ладно в летний зной!

Проезжавшие мимо на высокой пролётке двое посадских мужиков, а это были кумовья и одновременно свояки, женатые на двух родственницах Сидорий и Евлам, огорошено уставились на презабавную картину: сидящую на заборе Кульбачиху с разломаченной метлой в руке. Волосы у бабки растрепались, чепец сбился на ухо, лицо исказилось гневом. Всё это делало почтенную, можно сказать, благочестивую старушку похожей на бабу-ягу.

Евлам: Погляди-ка, кум Сидорий,

Кто там виснет на заборе?

Ну-у, хана тем подолам!

Сидорий: Кульбачиха, глянь, Евлам,

Машет в сторону дедка.

Не достанет с далека!

Евлам: Эти ссоры Кульбачей —

Прям услада для очей!

Дед, старушке подмогни!

Сидорий: Неудобно, кум! Стегни,

Да поехали отсель.

Евлам: Во, забава! Карусель!

Сидорий: Столько силушки отколь,

Раздери её куколь⁴?

Евлам: Нет, ты погляди!

Сидорий: Евлам,

Чё глядеть? Опять бедлам!

Им Ерось не даст подраться.

Евлам: Но дозволит наиграться!

Сидорий понукнул сътую лошадку, и кумовья не спеша поехали дальше, оглядываясь на двор, где продолжалась громкая ссора.

Кульбачиха: Дайте мне сничтожить гада!

Кульбач: Не пускает что ль ограда?

Подолишки распусти,

Дунь шибче и лети!

Кульбачиха: Это ты специалист!

Так поддашь – трепещет лист!

Еросим: Ну, зачем же эдак бурно?

Выражайтесь всё ж культурно.

Кульбач: При совместном проживаньи

Появляются названья

⁴ Куколь – башлык, наголовник, капюшон.

Очень нелюбезные,
Вовсе не помпезные.

Кульбачиха: Будет деду щас культура,
Да пощипанная шкура!

Кульбач: Помолчала б, грешница,
Старая перёшница!

Где уж бабке быть учливой!
Родилась на свет строптивой.

А теперь хоть сколь перечь.
Не сумел тогда стеречь.

Волной волюшкой блудила,
Да романы заводила!

Кульбачиха: Сам гуляка, чтоб ты сдох!
Язычище б твой отсох!

Извалял, злодей, в грязи!

Кульбач: Ты метёлкой не грози!
Извалял! Дак грязь – не сало!

Как засохла – так отстала.

Да прикрой хоть рванью ляжки!

Отправившийся на ярмарку местный обыватель Терестин ещё издали увидел засевишю на заборе Кульбачиху, а подъехав поближе, расслышал и взаимные оскорбления Кульбачей.

Терестин: Вот вам, снова забавляшки —
Не стихает вечный бой!

Дед присел за городьбой,

Бабка на колу торчит,
Непотребное кричит.
Чем её уел дедок?
Он теперь уж не ходок!
Знать, давнишние грешки
Пучат старой потрошки.
Что за ревность в их лета?
Это просто смехота!

Терестин не спешил проезжать мимо. Кульбачиха же переживала очередной приступ ярости.

Кульбачиха: Доберусь до охламона!

Терестин: Нет на бабку угомона!

Юбка в дырках до свеченья,
А супругу – развлеченье!
Это зря он бабку злит.
Ведь дождётся, та вспылит
И обратно за толкушку
Да за дедову макушку.
Зрители со всех сторон:
Нила ловит ртом ворон,
Миньша, хитрая лисица,
Взгляд отводит, но косится.

Оглядываясь по сторонам, Терестин увидел, что не он один любуется «сражением» Кульбачей. За происходящим спектаклем наблюдали Нила с Миньшей, а из-за забора заднего двора Еросима выглядывала ещё чья-то голова.

Терестин: Это кто же там? Юстин?

Вилизар: Эй, здорово, Терестин!

На спектаклю загляделся?

Терестин не заметил, как его нагнал другой посадец – лавочник Вилизар.

Терестин: Сам куды так приоделся?

Вилизар: Дак на ярмарку, куда ж.

Сидя сиднем, не продашь!

Кульбачи опять шумели?

Вот привычку заимели!

Терестин: Эти безобразия

Для разнообразия.

А иначе жизнь скушна,

Как порожняя мошна.

Что до неприличия —

Дед лишён двуличия.

Вилизар: Но при том актёр отменный!

Терестин: Как и бабка – страж бессменный.

Вилизар: Старики – они ж как дети:

Их рассудок не в ответе.

Терестин: Из торговли в торг тя прёт?

Вилизар: Лавка и меня дерёт:

Закупи, перепродай,

Заплати, на лапу дай.

Терестин: Знаю! Сам крутился мутно.

Ну-у, поехали попутно!

Зацепившись разговором о премудростях коммерческого предприятия, Терестин и Вилизар поехали дальше. А Кульбачиха, оказавшись, наконец, на земле, ничуть не успокоилась и продолжала устало прыгать возле забора, пытаясь достать деда колючей метёлкой. Тот же, специально дразня супругу, то приближался к забору с другой стороны, то отскакивал. Казалось, что старики уже выдохлись, и сама ссора утратила прежний накал, но Кульбач всё никак не унимался, видимо, замысливая ещё какую-то пакость для кульминации. Силовна с Миньшей продолжали любоваться на соседские выкрутасы.

Силовна: Нет, ты глянь! И смех, и грех!

Весь подол уж из прорех.

А смогла бы – исказнила!

Миньша: Пуст орешек! Шутки, Нила!

Не куснуть пчеле пчелу!

Расхлобыскала метлу,

А до деда не достала.

Силовна: Всю как есть поисхлестала.

Как у них недружественно!

Миньша: Но, однако, мужественно

Оборону держит дед!

Даже на кол не одет!

Не теряет он лица.

Силовна: Хорошо глядеть с крыльца.

А поблизости – чай, страх!

Миньша: Страх, когда обвал в горах.

Камнепад совсем не тот,

Что насыпан у ворот.

С-под копыт – земельный ком.

Если пыль лежит верхком —

То припудрит в тот же слой.

Поединок их незлой.

Нету озверения,

Больше придурения.

Не «терявший лица» и занозистости Кульбач продолжал хорохориться, а Кульбачиха яриться или просто демонстрировать это чувство. Крена с Еросимом в полной растерянности топтались у пролома в заборе, не позволяя сблизиться распоясавшейся чете Кульбачей. Они то начинали смеяться, то пугались, что бабке всё-таки удастся дотянуться до деда.

Кульбачиха: Как посмел такое брякнуть?

Дайте мне паршивца шмякнуть

По спиняке охламона!

Кульбач: Драки нонче вне закона.

Коль дошла ты до битья,

Нарушается статья.

А за это светит срок.

Заберут тебя в острог.

А потом на склоне лет

Волчий выпишут билет

За твоё рукоприкладство.

Допускается злорадство

В виде шуток незатейных,

Аль каких затей шутейных.

Кульбачиха: Пусть бы чёрт с тобой шутил!

Сколь ты кровушки попил!

Чтоб те пить, да захлебнуться,

Чтоб уснуть, да не проснуться!

Кульбач: Дак такой конец – подарок!

Комплимент твой больно жарок

От любви ли, от вины?

Разобраться мы должны.

Поддержи меня, Еросим.

Щас мы с бабки строго спросим.

Бабка, в злобе не дрожи

И метёлку положи.

Не твоё имущество.

И своё могущество

У себя распространяй.

Кур соседских не гоняй!

Перестанут ведь нестись.

Будет прыгать-то! Окстись!

И чего старуха скачет,

Злобный норов свой артачит?

Вы видали кобылицу?

Раскудрит тя, рукавицу!

Кульбачиха, наконец, поняла, что это опять очередной дедов розыгрыш с желанием повеселить соседей. Внезапно вспыхнувшая злость постепенно улетучилась. Кульбачиха огрызалась скорее по привычке. Тем более ей было не привыкать изображать попорченную добродетель.

Между тем дед не унимался. Приходилось подыгрывать, и ссора стала похожа на безмерно затянувшийся спектакль. После очередного бабкиного наскока, Кульбач сам метнулся на забор, как бы спасаясь. Бабка тут же выдала частушку.

Кульбачиха: Это разве не позор:

Взвился заяц на забор

И залился петушком,

Спутав курицу с горшком.

Кульбач: До чего ж ты склáдная!

Как шинель парадная.

Ордена навесила

И закуролесила.

В полнолуние рождена?

Еросим: На мундирах ордена.

Либо к саблям прилепляют.

Кульбач: На метёлки не цепляют?

Чтобы орден, да с мечами!

Еросим: Ой, беда мне с Кульбачами!

Ордена – не гири всё-тки!

Вы бы смолкли посерёдке,

Чтоб скандал не утворить.

Мне опять же вас мирить.

Старики, не отягощённые домашними заботами, могли переругиваться до бесконечности, но Еросим на сей раз не располагал таким временем, а завтрашний отъезд на ярмарку требовал серьёзной подготовки. Поэтому ему хотелось как можно скорее закончить надоевшую комедию, примирив Кульбачей.

Кульбач: Ссора ссорой. Следом мир.

Хоть худой и весь из дыр,

Только, знаешь, примиренье

Слаще мёда и варенья.

До зубовой ломоты!

Я не перейду черты.

Это бабка вон ершится —

Вшой в коросте копошится!

Кульбачиха: Сам-то хуже въедлив, дед.

Лысой маковке привет

Передать охота палкой.

Кульбач: Не скачи, старуха, галкой,

А ходи степенно павой.

Вот тогда и будешь правой!

Дальше следовала частушка, сопровождаемая кривлянием Кульбача.

Кульбач: Дятел, красненький берет,

Ты открой-ка нам секрет,

Чё ты долбишься, стучишь,
Не щебечешь, ровно чиж?

Если дом Ефтея был за задним двором Еросима, то скорняжница Светлина проживала по одному порядку с гончаром, то есть её дом был третьим при въезде.

Светлина была женщиной нестарой, но уже овдовевшей. Она тоже готовилась к поездке на ярмарку, отложив горкой шубы и полушубки. Ехать Светлина намеревалась с детьми: шестнадцатилетней Милорáдой, да с сыном Лékстой, который был младше сестры где-то года на три с хвостиком. Других помощников у вдовы не было. Домовничать же Светлина оставляла старую тётку Улисию, или Улиту, как её звали на Посаде, попросив старушку пожить у них, пока хозяйка в отлучке. Обе женщины, припав к окну, смотрели на Кульбачихины манёвры.

Улита: Всё шумят два заполоха?

Вместе тесно, врозь им плохо!

Так и шараборятся?

Светлина: На потеху ссорятся.

Оба ж языкастые,

Только не клыкастые.

Прикусить язык-то нечем!

Улита: Коль друг друга не скалечим —

То народ повеселим!

Дед-то скользкий, как налим.

Бабка шустрая – как пуля!

Светлина: Ихни драки, тётя Уля,
И на драки непохожи.

Улита: Бабка лезет вон из кожи,
Чтоб до дедушки добраться.
Часто им случалось драться?

Светлине не хотелось сплетничать о соседях.

Светлина: Хоть старушка грозная,
Драка несурьёзная.

Улита: Всю метёлку испластала!
Жаль, до деда не достала!

Светлина: Ладно, дел-то вон – гора!

Выезжать хочу с утра,
Как повозку загружу.

Щас тебе всю обскажу,
Где чё есть да где чё взять.

Улита: Ох, как нужен новый зять,
А тебе, Светлина – муж!

Тяжело, вцепившись в гуж,
На себе весь воз переть!

Светлина сделала вид, что не поняла тётушку Улиту.

Светлина: На себе? С ума сдуреть!

У меня лошадка есть.

Я на воз могу присесть

И катиться, как царица.

*После смерти мужа, Светлина не избавилась от лошади
по слёзной просьбе подрастающего сына Лексты.*

Улита: О-о, с судьбой нельзя мириться!

Мужика себе ищи.

За узду – да в дом тащи!

Успевай, как молода!

Отойдут твои года.

Силовна уже полностью насладились увиденным и ждала логического завершения спектакля. Миньша бесстрастно взирал на двор соседей.

Миньша: Нешто выдохлась вояка?

Норовом-то забияка,

А года уже не те.

На последней, чай, версте!

Силовна: Годы-то своё берут!

Жаль, не слышно, чё орут.

Миньша: То тебе не слышно, Нила.

Силовна: А тебе? Молчишь, вреднiла!

Вся измаялась жена!

Расскажи: с чего война?

Миньша: Во, нашла с кого спросить!

Без косы пошла косить!

Я тебя хуже глух,

У тебя острее слух.

На берёзе вон сороки

Распроведают пороки,

По Посаду полетят,

Всех вокруг оповестят.

Дақ дойдёт и до тебя.

Силовна: На мякину отрубя

Поменять немудрено!

Издеваешься? Смешно?

Миньша: Ох, запрячу щас метёлку!

Поменять одёр на тёлку —

Вот задача Пихвагору!

Сам везёшь салазки в гору,

А обратно едешь скоро!

Силовна: Где ты видел пихтагора?

Аль на горках пихты тут?

Лишь ольшаники растут,

Да орешник вперемешку.

Говоришь порой в насмешку!

Миньша: Ну, дақ смейся, веселись,

Шутке радуйся, не злись!

Кульбачиха продолжала лениво помахивать метёлкой, но уже без прежнего энтузиазма, мечтая лишь об одном, чтобы дед выдохся первым.

Кульбачиха: Хоть ты кол на нём теши,

Хоть в крупу его кроши,

На своём стоит, как пень!

Кульбач: Задался сегодня день!

Ну, а к вечеру, однако,

Добрая назреет драка!

Прибаутки до обеда,

Следом вострая беседа.

А потом, как соберёмся,

Непременно подерёмся!

Еросим: Драки только не хватало!

Аль вас жизнь не укатала?

Кульбач: Жизнь нас покорёжила,

Норов приумножила,

Силы поубавила,

На бобах оставила.

Ссора, как и предвидел Миньша, непомерно затянулась, и Кульбачихи уже надоело ругаться, а огрызалась она, скорее, для вида, не зная, чем закончить «спектакль». От ярости не осталось и следа, но, чтобы не разочаровать соседей, бабка продолжала «воевать».

Утомлённая бессмысленной игрой, Кульбачиха желала одного: максимально достойно завершить представление, повергнув «подлого лжеца» и возвысив свою репутацию, либо, обратив всё в шутку, посмеяться над блажью выжившего из ума старика, либо какой-нибудь острой репликой заставить деда пойти на попятную.

Если бы обвинение деда прозвучало, когда старики были наедине, бабка бы попросту проигнорировала такую чушь, отмахнувшись от деда и его привычной похабной болтовни. Либо конфликт был разрешён одной-единственной хлёсткой фразой: «Сам ту ночь продрых бревном, переполненный вином. Дак тебя хоть в сок макни, хоть в дерьмище окуни!»

Ругань между стариками вроде бы сошла на нет, но Кульбач не спешил сдавать позиции, имея в активе ещё один козырь.

Кульбачиха: На бобах ли, на горохе,
Ты бы поунялся трохи.

Ведмедяку грусть берёт —
Он кору с дерев дерёт.

Кульбач: Так тебе и подчинюсь!
Лучше с чёртом породнюсь!

Кульбачиха: Породнишься? Сам, как чёрт:
Тот же вид и тот же сорт!

Кульбач: Коли с чёртом ты живёшь,
То сама ты, бабка, кто ж?

Крена: Нечисть-то вплетать к чему?
Вдруг поселится в дому.

Еросим: В доме правит домовой.

Кульбачиха: Деда хватит мне с лихвой!
Вот уж нечисть – поискать!

Кульбач: Иглы некуда втыкать!
Ты не баба, а колючка!

Чёрт я добрый. Ты же – злючка!
Глянь чё, разбижена!

Истиной пристыжена?

Я тебя утешу, бабка!

Сохранилась энта тряпка.

Заметив недоумение на лицах окружающих, Кульбач по-

бедоносно продолжал.

Кульбач: Доказательства храню.

Лично сам пробил «броню»!

То ль нарочно, то ль со страху

Берегу твою рубаху,

Как залог невинности,

Отслужив повинности

Новобрачного супруга.

Поначалу было туго!

Кульбачиху больше смутил разговор про рубаху новобрачной, чем предыдущие обвинения в блюде. Если там она выступала в качестве «актёрки» то теперь без всякого притворства на щеках старушки сквозь старческую желтизну пробился некий размытый румянец.

Кульбачиха: Старый пёс! Защёлкни пасть!

Чтоб тебе совсем пропасть!

Кульбач: Я вторым, вслед за тобой.

Не могу наперебой.

Провожу тебя достойно

И откинусь, чтоб спокойно

Вознестись на небеси.

Кульбачиха: Локоток свой укуси!

Не видать тебе небес!

Полетишь к чертям ты, бес,

Прямиком на сковородку

За грехи твои, за водку!

Кульбач: Речи с похвалёжкойю

Не схлебаешь ложкою.

Речи с оговоркою,

Как сухарик с коркою,

Что и зуб их не берёт.

А уж горло так дерёт!

Кульбачиха: Чтоб те жрать, да подавиться!

Кульбач: По ночам ведь стану сниться.

Лучше, бабушка, не каркай,

Чеботком в сердцах не шаркай!

Кульбачиха то ли действительно, то ли притворно зашмыгала носом. Крена взялась хлопотать вокруг неё.

Кульбач: Поминала бабка деда

От обедни до обеда,

От завалинки до кадки,

От макушки до заплатки,

От забора до овина,

А уж дальше нет помина.

Крена, капни бабке капель!

Пусть прессует свой кружапель⁵,

Не вертается пока.

Мне-то тоже полглотка

Надо б для прочистки глотки.

Истомилось всё в серёдке.

Крена поспешила увести разобиженную старушку к себе

⁵ Кружапель – сорт плоских яблок.

в дом, дабы утешить чаем. Миньша, разумеется, слышал, о чём ругались по соседству, но не спешил посвящать супругу в тонкости Кульбачёвских разногласий. При упоминании о рубашке невесты, он хмыкнул и покачал головой.

Силовна: Во, до слёз довёл, злодей!

Леший, старый берендей!

Миньша: Бабка плачет, что устала,

Но до деда не достала.

Силовна: Пряма там! Стала бы рыдать!

Кульбачу не долго ждать!

Вот придёт, как свечерееет,

Снова чем-нибудь огреет.

Утварь вся тяжёлая.

А башка-то – голая!

Миньша: Хоть финал они сгустили,

Занавес уж опустили.

Всё – закончен бенефис!

Нет повтора, чтоб на бис.

Вот такая тут развязка!

Жизнь, порой, страшней, чем сказка!

Человек – не бог! Не вечен,

Внутренне небезупречен.

Боль и в старости больна.

Не испить ли нам, жена,

Чаю с мёдом, с каймачком.

Силовна: Ну а чё торчать торчком?

Представленья отыграли.
Хоть не знаем, чё орали,
Дак какая нам нужда?
Энто ихня вражда.

Миньша: Ясно дело! Хата с края!

С любопытства-то сгорая,
Можно душу опалить.
Тот костёр уж не залить!

Миньша вошёл в дом, чтобы распорядиться насчёт чая.

Силовна осталась на крылечке в надежде увидеть ещё что-нибудь стоящее. Еросим тоже поднялся и отправился к сыновьям в подмогу.

Силовна: Во, Ерось покинул пост.

Покинувший пост Еросим, сокрушённо качая головой, прошёл на свою террасу.

Еросим: Битый час, как псу под хвост.

Те скандалят, не спеша,
Тут – дела, горит душа!
Дед щас – хлоп и на кровать!
Мне ж товар упаковать.
Если всё ладком лежит,
Не гремит, не дребезжит,
Довезётся в целости.

А при неумелости
Аль при спешке да галопом,
Снарядившись остолопом,

Лишь осколки довезёшь.
Локоток кому сгрызёшь?
Выгода обещана.
Скол, щербинка, трещина
Продырявят кошелёк.
А до места путь далёк!
Ну, хоть те угомонились!
Мы-то с ними уж сроднились,
Потому их жаль до слёз.
Дед от старости белёс,
Но такое вытворяет!
Бабка где-то день шныряет,
А сойдутся – рать на рать!
Нам же – время даром трать!

Затянувшаяся ссора Кульбачей вдруг представилась гончару миниатюрной моделью, демонстрирующей саму сущность долгой супружеской жизни этих двух безродных стариков. Казалось, что отсутствие детей и внуков делало их жизнь бесцельной, никчёмной, лишённой радости и смысла, а потому наполненной всякими взаимными неудовольствиями. Так, во всяком случае, представлялось многодетному Еросиму. Но разве можно было судить за это стариков? Нет! Только жалеть! Однако Еросим и знать не знал, что Кульбачи затевают ссоры не от собственной скуки, а исключительно для ублажения соседей. Сами они скучать и хандрить не умели, вернее научились разнообразить своё

бытие и развлекать себя по собственному вкусу. Спровоцировав ссору, Кульбач нередко потом сам попрекал бабу, что та чересчур рьяно реагирует на невинные шутки, пугая соседей.

Кульбачиха: А терпеть такое можно?

Кульбач: Показушно всё и ложно.

А неправдошное чувство —

Как фальшивое искусство.

Поталантливей старайся.

Кульбачиха: Сам, смотри, не заиграйся!

Подцеплю щас на ухват!

Кульбач: Да, не бис и не виват!

Оставшись в одиночестве, Кульбач заметил любопытствующий взгляд соседки и покричал ей через улицу.

Кульбач: Как здоровье, Нила-Сила?

Всё узрела, всё вкусила?

Силовна: Ой, да больно было надо!

Тут у нас своя ограда.

Кульбач: Ниловна, следи зорчей,

Чё и как у Кульбачей.

Можешь чё-то пропустить —

И себя же не простить!

Рассердившись, Силовна поспешила скрыться в доме.

Оставшись один, Кульбач разразился длинным монологом, затем принял решение, что ему пора себя взбодрить, ибо разыгранный спектакль утомял старика.

Кульбач: Жизнь идёт своим течением:

Развлеченье с огорченьем.

Ну-у, коль высший суд решён,

Приговор провозглашён:

Раем дед отринутый,

В ад навечно кинутый —

Это дело надо вспрыснуть,

Чтоб и вовсе не прокиснуть!

Чарка просится в десницу,

Раскудрит тя, рукавицу!

Нет препятствий больше деду.

Чарка ценится к обеду,

Как и ложка – вот в чём соль.

Тем красна моя юдоль.

Я изведаль досконально.

Хоть, конечно, персонально

Каждый к этому придёт —

Понимание найдёт,

Постигая истин суть.

Коли нет – не обессудь!

Тут — дано аль не дано.

Если уж обойдено —

Лапки кверху и смиришь!

Знать не надобно. Утришь!

Пусть старуха кбсится,

А душа-то просится.

Вот кто мой руководитель,
А не бабка – старый бдитель!

И Кульбач, прислушавшись к внутренним желаниям своего организма, поспешил к дому, припадая на повреждённую ногу.

Кульбач: Как говаривал сам Пушкин,

Наливая для старушки:

«Выпьем с Богом. Так милей!

Сердцу станет веселей!»

В размышленьях день пройдёт.

День за днём слагает год.

Кап, да кап – полна баклага.

Есть спасительная влага,

Что расцвётит бытие.

Очень нужное питье!

Вот она моя записка!

Не нарыла, знать, варначка!

Ишь, не конхвисковано!

Оставлять рискованно.

Если старая найдёт,

На растирки изведёт.

Изымает подлый страж!

Только пойло и фураж

У меня всегда найдётся

И по делу изведётся.

Да, Кульбач не лыком шит!

Бабкин умысел смешит!

За неё и хлобыстнѹ.

Щас вот капельку плесну...

Дома Кульбач вытащил откуда-то из потайного места бутылъ с мутным содержимым и примостился с ней к столу.

Кульбач: Догорай моя лучина.

Вместе с ней печаль-кручина

Стлела до огарочка.

Где ж ты чудо-чарочка,

Долгих дум свидетельница?

Здравствуй, благодетельница!

А спустя какое-то недолгое время из дома послышалось пение Кульбача.

Кульбач: Я по горенке пройдуь, скрипну сапогами.

Я милашечку дождуь, запляшу кругами.

Взлетел петушок

На забор, на горшок,

Истоптал все крынки,

Не купить на рынке.

* * *

Посад был чистеньким ухоженным крошечным городком. Прямо город в табакерке, как говаривали проезжие остряки не будучи большими оригиналами. Жизнь протекала

размеренно с периодическими встрясками уездного масшита-ба. Жители знали друг друга с детства и были достаточно осведомлены обо всём, что творилось в семьях соседей и не только, а благодаря местным словоохотливым кумушкам любая незначительная новость превращалась в событие, обсуждаемое горячо, со всеми подробностями, не все из которых соответствовали происходящим реалиям.

Сплетничать, судачить да перемывать друг другу косточки было излюбленным занятием образцовых посадских хозяйшек. Мужчины на такое пристрастие своих жёнущек смотрели с неодобрением и даже с показным возмущением, но радикальных мер, как порой обещалось в порыве гнева, не принимали до тех пор, пока не возникала угроза большого скандала. Забот у них и без того было предостаточно, однако иногда какой-нибудь муж, видимо, истосковавшись по семейной сцене, самолично начинал изводить жену, заинтриговав услышанными невероятными известиями либо придумывая шутку-небылицу.

Жена: Чё там слышно на Посаде?

Муж: Ничего к твоей досаде.

Прям в истории дыра!

Случай был, дак то ж вчера.

Жена: А вчера-то чё случилось?

Муж: Ну дак девка обмочилась!

С коромыслом шла, уснула,

На подол водой плеснула!

Дед Кульбач, как-то обсуждая с заезжим гостем нравы и пристрастия местных дам, характеризовал их весьма своеобразно.

Кульбач: Да, буквально все повальню

Рассуждают гениально.

Гость: Очень утончённые!

По всему – учёные.

Столь ума здесь в каждой даме!

Видимо, гость не уловил иронии в словах Кульбача и принялся расхваливать местных сударынь, стараясь лестью угодить старику, за что получил в ответ нечто вроде отповеди.

Кульбач: Не умом крепки, задами

Наши здешние бабёнки.

Это как в худой избёнке:

Изо всех углов сквозит.

А процесс, что исказит

Назначенье в нём самом,

Можно ли назвать умом?

Перегруженному бабкиными новостями Кульбачу постоянно приходилось вразумлять свою Кульбачиху, призывая не портить добропорядочным посадцам жизнь, разнося из дома в дом суицидную нелепицу о вполне достойных людях. Кочующая по целым дням из одной женской компании в другую, бабка, дабы оставаться интересной и желанной гостьей для приятельниц, таскала туда-сюда разные слухи,

за что получила от деда прозвище «сплетеносец». Он так и заявлял: «Закрепить пора „проносец“, неумолчный сплетеносец! До чего ж худые шторки – так и свищет без касторки!»

Кульбач: Ты во всём увидишь шашни!

Часовым садись на башне,

Чтоб за всеми надзирать.

Но порочить и марать

Никого не смей! Уймись!

Нет огня, и не дымись!

Тем не менее деду, хоть редко, но приходилось утрясать конфликты, когда кто-нибудь из посадцев, попавших в сети бабьих сплетен, приходил разбираться с Кульбачихой, выясняя, не она ли является источником порочающих его слухов. Возможно, автором очередной сплетни была не Кульбачиха, но разносчиком, безусловно, она, в чём дед ни минуты не сомневался. Кульбач горячо успокаивал разобиженного гостя, убеждая, что это недоразумение и недопонимание произошло от природной болтливости и наследственной тупости его старухи, которая к тому же ещё и глуха, как тетеря: «Та ж по бездорожью прёт: не дослышит – так доврёт! У змеи язык раздвоен. Но побьёшь – не станешь воин! Только слово я сдержу: как вернётся – накажу! А каков будет наказ? – придушу, и вот весь сказ!».

После дедовых страстных уверений, что он сегодня же, наконец-таки, разделается со старой интриганкой, гостью

ничего не оставалось, как встать на защиту старушки, высказав предположение, что, возможно, не только она и не столько она виновата в возникшем недоразумении.

Кульбач: Ну, конечно же, она!

Старой грешницы вина!

Ведь тупая же – пень пнём!

Мы щас сплетни развернём

Да старуху опорочим.

Заслужила, между прочим!

Усадив обиженного гостя за стол, дед, как обычно, от души угощал пострадавшего, на чём свет стоит «чувствую» свою болтливую супругу и всех её товарок.

Кульбач: Хоть у бабки слабый слух,

У неё отменный нюх:

Всю разнюхать здоровá!

А права ли, не права —

Это бабку не заботит.

Столь, бывало, наворотит!

Выпив с дедом стопку, гость, расслабившись, успокаивался и из обиженного и пострадавшего превращался в лучшего друга Кульбача.

Гость: Дак в рассказ без преукрас

Хуже верится как раз!

Кульбач: А, когда враньём оформишь,

Всё за милу душу скормишь?

Гость: Дак у баб свои сужденья.

Кульбач: А моя притом с рожденья

Любопытна сверх предела:

До всего паршивке дело,

Дабы было что судить —

«Городушки возводить»!

Чтоб она весь день икала!

Гость: И моя не ускакала

От твоей и от других.

Нет у них речей благих.

Кульбач: Тарахтелки-таратайки!

Не сыскать от них утайки!

Брешут так – куды с добром!

«Гроыхать пустым ведром» —

Перво дело у судар.

Новость им, как скапидар,

Добавляет резвой прыти.

А утопнуть и в корыте

Можно, если ты слабак.

Плюй, сынок, на тех собак,

Коль не можешь врезать в харю.

Хошь, я сам свою ударю?

Костылишком приласкаю

Аль за космы отгаскаю!

Думаешь, что хвастовство!

Нет, пора мне во вдовство!

Однако, когда к Кульбачам заявился Дробогор, чтобы как

следует разобраться с главной сплетницей Посада, дед малость струхнул и в то же время порадовался, что самой бабки в это время не оказалось дома. Как уже упоминалось, отказавшийся от женитьбы, а следом внезапно утопший жених дочери Дробогора Вассианы, натолкнул посадцев на мысль, что это трагическое обстоятельство могло произойти при непосредственном участии оскорблённого родителя. Поэтому Дробогора побаивались, и даже категорически не верящий в подобную чушь Кульбач поначалу оробел. Выслушав претензии Дробогора, дед разразился гневной речью.

Кульбач: Вот паскуда, тараторка!

Понеслась хлестать касторка —

Подолы не отстирать!

Хошь старуху покарать?

Скоко душенька желает!

Если гнев в тебе пылает,

Ты не просто обвиняй:

Дай старухе нагоняй!

Дробогор: Я желал бы объясниться.

Кульбач: Объяснялась бы синица,

Почему зерно склевала.

Потому что не зевала!

Сам с ней маюсь сколь годов!

Клятый был на сто рядов.

А тебе терпеть к чему?

Отхайдакай ту куму!
Коль умишком куцяя,
Значит, экзекуция!
Нешто не заслуженно,
Если обнаружено
Преступленьє, как навет,
Да с оглаской в целый свет?
Дробогор: Да, у сплетен вóстры когти.

Это ж – как ворота в дёгте!
Кульбач: Эх, скорей бы появилась!

У меня аж сердце взвилось,
Застучало, прям зашлось,
Лютым гневом налилось!
Я её засуну в дёготь!

Как посмела деву трогать
Подлым мерзким языком?
Отодрать его песком!

Нет, подумай, вот поганка!
Врёт, как дышит, интриганка!

Кипя от возмущения и продолжая извергать обличительные речи, Кульбач молил Всевышнего, чтобы тот пощадил его старуху, подвернув какую-нибудь помеху и подольше задержал у подруг.

Кульбач: Сыне мой, в любом доме
Всяких бед по закрому.
В каждом тереме и хате

Наберётся по лопате.

Бабы здесь парадом правят:

Всё нароют, сверх добавят,

Свив глупцов и мудрецов.

Не связать потом концов!

Дробогор: Эти сплетни – чистый яд!

Весь Посад имя объят!

Кульбач: Просто изумительно!

Как они стремительно

С пустяка рождаются,

Тут же расплождаются.

И Посад как зачумлённый,

Сам себе же удивлённый.

Признаюсь тебе, моя

Найпервейшая змея!

Бабке сплетничать – за сласть!

Сдай в участок, чтобы власть

Под арест хоть заключила.

Пусть «поправку» б получила!

Я от бабки вне себя!

Та, по свету дурь трубя,

Испозорила вконец.

И глашатай, и гонец!

До чего ж дурная птица!

Всё летает, суетится,

Клюв держа наизготовке.

Вести сыплются к плутовке,
А как нечего клевать,
Можно слухи создавать!
Ну а чё, на голом месте
Буйным цветом лезут вести,
Да кустистые, рясные —
Прям былины записные!
Ведь ни разу за навет
Не пришлось держать ответ.
Хоть когда-то бы прижали,
В каталажке подержали
Да судом бы осудили.
Где уж там! Освободили
От ответственности баб.
Против них закон наш слаб!
Я буквально негодную.
Сам паршивку отмордую!
Ну, попляшет у меня,
Как я всыплю ей ремня!

Дробогор с сомнением посмотрел на тщедушного старичка. Он не меньше других был наслышан о ссорах Кульбачей, но говорилось как раз-таки о бабкиных расправах. Кипя праведным гневом, исторгая страстные монологи, дед суетливо накрывал на стол, разумно полагая, что такой нелёгкий разговор сподручнее вести под стопочку.

Кульбач: Ты, сынок, не сумлевайся.

Проходи, не разувайся.
Вместе бабку подождём
Да допрос ей проведём.
Приговор вслед огласим.
Можа душу оросим,
Чтоб она не так кипела?
Во, картошечка поспела!
Гля, капуста да с хренком!
Наливаем с бугорком!
Будет здесь у нас засада.
Это бедствие Посада
Вскорости домой причалит.

После первой стопки, Кульбач решил разжалобить суровую душу Дробогора, пожаловавшись на свою нелёгкую долю.

Кульбач: Что, сынок меня печалит?
Что моя всех баламутит.
Дак такого понакрутит,
Что не знашь куды деваться!
Чё в чужую жисть соваться?
В семьях всякое бывает:
Там хозяин выпивает,
Там хозяйка распустёха,
Тот – дурак, а та – тетёха.
Ну и ладно! Что с того,
Где, когда и у кого?

И кому какое дело?
И кого это задело?
И твою ль это ума?
Своего не зрит дерьма,
А чужое все покажет,
Раскопает и размажет.

Дробогор: Сплетни – это гной с заразой!

Даве, слышал, Нонья с Азой
Тоже дочь мою судили.

Кульбач: Бабку что ль опередили?

Это вряд ли! Та главней,
И опасность больше в ней!
По товаркам пошлындрявит,
Им мозги накучерявит,
Ну а те и понесут
На посадский пересуд.

Верь, мой милый, Кульбачу!
Если врать не отучу,
То устройю воспитанье —
Уж такое испытанье,
Что чертям всем станет тошно!

Сам останусь беспортошно,
Но старуху, ту ягу,
Вместе с домом подожду!

Дробогор: Ну, зачем же поджигать?

Кульбач: Ну а чё, кнутом стегать?

У неё в действительности
Нет уже чувствительности:
Мумия сушёная
Всяких чувств лишённая.
Лучше всё ж предать огню!

Дробогор: Чё ты выдумал фигню?

Кульбач: Пусть горит она огнём!

Щас старушку помянём,
А потом и подпалим.
Гнев мой крут, неумолим!
Хватит бабушке стареть.
Всё одно в аду гореть,
Пусть сейчас приноровится.

Не пора ль ей появиться?

Ты сможешь, Дробогор?

Нужен кол, а мож багор,

Чтобы двери подпереть:

Чтоб старушице гореть,

Не имея путь отхода.

Дробогор: Нет, такого, дед, исхода

Я б старухе не желал.

Кульбач: Сам ведь гневностью пылал!

Дак возьми её спали!

Ну, хотя бы осмоли

Как курчонка либо чушку.

Не жалея мою лачужку,

Как прибежище сплетней.
Всё паскудство сгинет с ней!
Сам сожгу как Галилея!

Я сейчас собаки злее.

Дробогор: Дед, ты бабку поругай,

Но уж дом не поджигай.

Ведь огонь не укротить

И назад не своротить.

Как займётся, заискрит —

Пол-Посада погорит.

Кульбач: Сжечь мож?

Дробогор: Боже упаси!

Ты супругу потряси,

Вразуми и напугай.

Хошь, кнутишком отстегай,

Хошь, кляни её, бранись,

Но уж спичек не коснись!

До самого ухода Дробогора дед был как на иголках, опасаясь несвоевременного возвращения супруги. Однако всё обошлось. Дробогор покинул чудаковатого деда если не полностью удовлетворенным, то достаточно успокоенным, как речами, так и выпивкой.

Соседка Крена видела, как гость покинул Кульбача. Спустя какое-то время во двор вошла Кульбачиха и Крена кинулась собирать для стариков что-нибудь из еды. Пока у деда гостил Дробогор, соседка не решалась сунуть нос в дом

Кульбачей. Нагрузив блюдо, Крена отправилась к старикам. Подходя к дому, она услышала страшный грохот и истошные крики Кульбача. Однако, среди этого шума и крика бабушкиных воплей Крена так и не уловила.

Крена: Боже, чё он там орёт!

И откель столь слов берёт?

Что там? – чёрт не разгадает!

Ажно в дрожь меня кидает!

Нешто бьются смертным боем?

Ведь под крышку лет обоим!

Я ж разнять их не смогу,

За Еросей побегу.

Ох, как надо поспешать,

Убиеню помешать:

Бабку, деда ли спасти.

Господи, не допусти!

И Крена опрометью бросилась к мужу в гончарню за подмогой.

А события в доме Кульбачей разворачивались следующим образом: для начала, чтобы хорошенько напугать и деморализовать бабуку, дед устроил среди горницы настоящий погром. Прежде всего, отчаянно вереща и кляня супругу, Кульбач начал колошматить посуду, но после третьей тарелки, сообразил, что эдак оставит их с бабушкой ни с чем, а потому перешёл на небьющиеся тяжёлые предметы, как то сковородки, ухваты, чугуны, табуретки и поленья дров. При

этом старик старался не причинить самой «виновнице» какого-нибудь вреда. При всём этом побоище дед, не переставая, орал как скаженный, выплёскивая на супругу целые каскады немислимых обвинений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.